

Путь к сердцу

Автор:

Элиза Райс

Путь к сердцу

Элиза Райс

Когда у тебя уже была большая любовь, когда казалось бы в твоей жизни все устоялось, а сама ты действуешь по определенным правилам, не ожидая каких-либо сюрпризов... жизнь удивляет своей непредсказуемостью.

Элиза Райс

Путь к сердцу

1

Собрав все необходимые документы в папку, я еще раз перелистала ее и, в десятый раз убедившись, что ничего не упустила и не забыла, положила ее на край стола.

Взяв телефон, я набрала последний номер в списке вызовов и откинулась на спинку стула, крутанувшись на нем.

– Алло?

– Веня, скажи мне, пожалуйста, ты нормальный человек? – спросила я с неподдельным интересом.

– Ты спрашиваешь для какой-то конкретной цели? – хмыкнул парень в ответ.

– Скорее, хочу лишний раз убедиться. Объясни мне, зачем ты прислал смайлик с... Со средним пальцем в рабочем письме? Ты в курсе, что я его заметила, только когда отправила?

– Ты серьезно?! – выдохнул друг. – Прямо так и отправила?!

Днем ранее я просила своего товарища и временного коллегу по совместительству прислать мне бланки договоров фирмы, где он работал, с условиями сотрудничества в теле письма. Что он и сделал, только по обыкновению решил подшутить надо мной и отправил смайлик с неприличным жестом в самом низу. Заметила я это значительно позже.

– Я пробежалась глазами по условиям, сделала пометки и нажала «переслать». Увидела я его, только когда вечером стала распечатывать документы. Скажи мне, ты совсем дурак?

– Блин, Марина, я думал, ты согласишься. Ты же всегда все бумажки внимательно изучаешь. Хоть электронные, хоть обычные. Ты же чертов перфекционист!

– Да! И впервые я решила, что можно довериться другу и, как оказалось, зря, – вздохнула я.

– Тебе ответили?

– До утра они вряд ли прочтут. Мы планируем приступить только на следующей неделе.

– Черт. Прости, правда. Я думал, ты увидишь, – расстроено протянул парень, – ну, в случае чего, я, как рыцарь, возьму вину на себя, – гордо сказал он, чем вызвал мой смешок.

– Конечно, возьмешь. Это и есть твоя вина!

– Ладно, я понял. Не переживай, у нас лояльное начальство. И я там на хорошем счету. Почему, ты думаешь, они без проблем согласились работать с вами? Ну, почти уже согласились, – воодушевленно проговорил он.

– Потому что мы лучшие в этой сфере? – скептически заметила я.

– И потому что я сказал, что ты – моя подруга. И что я доверяю тебе, как себе.

– Отлично. Поблагодарю тебя, когда подпишем договор.

– По рукам. Ладно, у меня сегодня встреча с друзьями, так что созвонимся завтра. Ты во сколько должна приехать?

– В одиннадцать.

– Понял. Позвоню в десять.

– Договорились, до связи.

– Пока.

Положив телефон на стол, я проверила все необходимое на завтра.

Мне, наверное, следовало бы лучше поработать над своей речью, но я столько раз уже это делала, что перестала репетировать еще года три назад.

Я работала в фирме, оказывающей услуги технической поддержки разным организациям. Мы проверяли все их электронные и компьютерные системы на безопасность, отслеживали вирусы, находили места утечек информации, если такие были. И ставили свою защиту. Я этим занималась уже больше пяти лет и действительно наслаждалась своей работой.

Со временем, та небольшая фирма, в которую я устроилась почти шесть лет назад и которая поначалу хватала всевозможные заказы, переросла в довольно крупную организацию. И теперь работала уже только с серьезными проектами. А так как я была практически «у истоков» компании, да и всей этой сферы в принципе, то вполне могла сама выбирать, над чем трудиться.

Поэтому, когда мой веселый друг Веня позвонил и сказал, что его финансовой корпорации нужна помощь, я особо не раздумывала. С корпорацией он, конечно, погорячился, но фирма была стабильная, серьезная и надежная, пусть и небольшая. Они занимались популярным современным бизнесом – выдачей займов. Только в отличие от многих других фирм-аналогов, работали чисто. Не имея проблем с законом, налоговыми и другими инстанциями. Клиенты их были, как правило, бизнесмены и предприниматели, и займы, соответственно, тоже были крупные.

И мне предстояло встретиться с их директором и обговорить условия. Счет за наши услуги был приличный, но мы были лучшими в своем деле, учитывая то, что мы были одни из первых, кто начал этим заниматься, поэтому этот контракт был выгодным для обеих сторон.

Я была удивлена, когда, отработав два года в этой компании, Веня, как обычно, не уволился. Он был весьма странных взглядов и считал, что нельзя задерживаться на одном месте, если тебя не повысили. Но тут он работал уже почти три и никуда не собирался. Наверное, понял, что финансовых специалистов пруд пруди, а мест, где действительно хороший коллектив, оклад и шикарная медицинская страховка – не так много.

Почти в полночь я получила сообщение от Вени с просьбой позвонить ему в восемь утра. Он, путаясь в буквах, сообщил, что выпил больше, чем собирался. Я усмехнулась и завела будильник на восемь часов. Это была наша своеобразная традиция – если кто-то перебрал, то второй должен помочь другу не дать проспать все на свете.

Я лежала, глядя в потолок, и вспоминала нашу с Веней многолетнюю историю дружбы.

Мы познакомились в первом классе и сразу подружились. Ближе его у меня никогда не было друга. Как бы это ни было странно, к удивлению и родителей, и

одноклассников, даже когда мы повзрослели, то общаться не перестали. Нас не представляли по отдельности даже учителя. Самое забавное было то, что даже наши фамилии были созвучны – я Соколовская, а он Соколов. Мой отец и родители Вени были знакомы и, как и многие, были уверены, что когда мы вырастем, то непременно поженимся. Но все вышло немного не так. Вообще, не так, если честно.

2005

– Веня, слезь с меня, ты ненормальный! – пытаюсь стряхнуть с себя товарища, я барахталась под ним, но только больше утопала в снегу.

– Ты еще будешь звать меня «Веником»? – хохотал парень, сидя на моей пояснице.

– Слезь! Я тебе в штаны снега накидаю!

– Значит, будешь? – он не собирался сдавать позиций, но и я не уступала.

– Я не виновата, что тебя зовут Вениамин! – снег был уже за шиворотом и охлаждал кожу, но спихнуть с себя парня, который был, пусть и немного, но крупнее меня, я не могла.

– Будешь еще обзывать, Соколовская? – он попрыгал на мне, и я окончательно «ушла» в сугроб.

– Я убью тебя, Соколов! – заорала я, отплевываясь от снега и собираясь со всеми силами, что еще не потратила на смех.

– Сначала ты... Эй!

Я почувствовала, как резко моей пояснице стало легче, но не поняла, что случилось. Подняв голову, я увидела черные кожаные тяжелые ботинки, как у байкеров или металлистов.

У Вени был старший брат, который одевался, как настоящий рокер – кожа, цепи и все это непременно черное. И его обувь была очень похожа. Я сначала подумала, что это он, но размер ноги был явно меньше. Когда я приподнялась на локтях, то увидела черные узкие джинсы с серебряными цепями на поясе, темно-синюю короткую куртку, синий шарф и пронзительно голубые глаза.

– Ты в порядке? – незнакомая девушка оперлась ладонями о колени и нагнулась ко мне.

– Да, я...

– Какого черта?! – услышала я голос Вени и обернулась. Он пытался вылезти из сугроба, куда, очевидно, его и закинула наша новая знакомая.

– Он тебя обидел? – спросила она, бросив быстрый хмурый взгляд в его сторону, и подала мне руку.

– Нет, он... Он мой друг, – пробормотала я, хватая ее ладонь и вставая на ноги. Было около пятнадцати градусов мороза, но ее рука была на удивление горячей.

– Никого я не обижал! Мы просто шутили! – возмущенный и красный, то ли от мороза, то ли от негодования, Веня подошел к нам.

– А. Так вы, ребята, так развлекаетесь? – поняла, наконец, моя «спасительница». – Ну, извини. Я думала, ты решил помучить бедную девчонку.

– Она моя подруга. Я бы не обидел ее, – серьезно, даже слишком серьезно ответил Веня и поправил съехавшую набок шапку.

– Сразу было непонятно, подруга или не подруга, – пожала плечами девушка.

– Надо было сначала спросить, а потом уже лезть!

– Иногда бывает поздно спрашивать, дружище, – усмехнулась она.

Пока они обменивались «любезностями», я разглядывала ее во все глаза. В моем окружении таких, как она, не было. А если бы появились, то мой отец, несмотря на всю широту своих взглядов, забил бы тревогу.

Она была просто воплощением той метафоричной «плохой компании». Черные волосы с красными кончиками закрывали половину лица, правую бровь украшал пирсинг. А когда она засмеялась над чем-то, что сказал Веня, я увидела металлический шарик еще и в языке. Я никогда не страдала подростковыми желаниями типа сделать татуировку, проколоть себе что-либо или выкрасить свои волосы в какой-то совершенно сумасшедший цвет. Я считала, что все это – лишь способ привлечь внимание. А этого я хотела меньше всего.

– Марина, ты оглохла?! – я поняла, что друг обращается ко мне явно уже не в первый раз.

– Что? – я оторвала свой взгляд от улыбающейся девушки и посмотрела на него.

– Пойдем домой, говорю. Нам еще к лабораторной готовиться, – проворчал он и взял оба наших рюкзака.

– Да. Пойдем, – сказала я и вновь повернулась к девушке, – спасибо, что... «спасла» меня.

– Не за что, красавица, обращайся, – усмехнулась она и накинула на плечи кофр, который я сначала не заметила.

– Ты играешь на гитаре? – спросила я, сама не зная, зачем. Я никогда не была общительной и, тем более, с малознакомыми странно выглядящими девушками.

– Было бы странно, если бы я таскала эту штуку просто так, да? – усмехнулась она и слегка дернула головой, скидывая с глаза прядь волос.

Увидев непонимание на моем лице, она засмеялась и кивнула:

– Да. Я играю.

– Классно, – ответила я и тут же мысленно отругала себя. «Классно». Ничего лучше не смогла придумать?

– Марина, ты идешь? – Веня явно терял терпение и выглядел раздраженным, продолжая топтаться в нескольких метрах от нас.

– Кстати, я Саша, – улыбнулась девушка, не обращая никакого внимания на слова моего друга.

– Марина, – я кивнула в ответ.

– Ты в этой школе учишься? – спросила она, кивнув на здание неподалеку.

– Да.

– Мы у вас будем на новогодней дискотеке играть. Приходи, – она поправила лямку кофра и взъерошила короткие волосы.

– Я... Я постараюсь, – ответила я, снова удивляясь самой себе. Я и дискотека? Правда? Это что-то новенькое.

– Постарайся. Ладно, мне пора на репетицию. Пока, красавица, – она снова усмехнулась и, развернувшись, направилась в противоположную от нас сторону.

* * *

Я разбудила Веню в восемь утра, как и обещала, и, решив, что все равно смысла ложиться спать на полчаса нет, тоже встала.

Заехав утром в свой офис, к одиннадцати я явилась в фирму Вени. Меня встретила секретарша и проводила до кабинета директора.

Довольно молодой парень был очень вежливым и обходительным. Мы весьма быстро обсудили все условия сотрудничества, он высказал все то, что им от нашей организации и меня, в частности, требуется, и мы заключили договор. На

самом деле, эта встреча была чистой формальностью. Мы прислали более чем полное описание своих услуг, и я была уверена, что никаких проблем не возникнет.

Когда я вышла из кабинета директора, меня уже поджидал Веня.

- Ну что? Все в порядке? - спросил он, делая глоток кофе из кружки.

- Ты сомневался? Конечно, в порядке. У вас такой молодой директор, - сказала я, оглядывая большой просторный офис с перегородками за стеклом позади Вени.

- Он не директор. Он зам. Директора сейчас нет.

- Все равно. Сколько ему? Двадцать пять? - я смотрела на людей, которые сидели за рабочими столами и сосредоточенно работали. Или сидели в Интернете.

- Вообще-то тридцать два, - усмехнулся друг.

- Да ладно?!

- Да. И он окончил экономический институт с красным дипломом.

- О. Ничего себе. Хотела бы я так выглядеть в тридцать два. Ему не дашь больше двадцати пяти.

- Думаю, борода тебе не пойдет.

- Очень смешно. Радуйся, что он не заметил твоего тупого смайла, - проворчала я.

- Да ладно, он бы понял. Он довольно веселый. С ним можно посмеяться. И, кстати, не женат. У нас половина офиса по нему слюни пускает.

- А ты, как всегда, все обо всех знаешь, - протянула я.

– Работа такая, – усмехнулся парень.

– Ладно. Иди, работай. Я к себе поехала.

– Давай, пока. Позвоню вечером.

– Договорились.

Я вышла из здания и направилась к машине, по дороге обдумывая наш разговор с Веней. Нет, правда, этот парень умудрялся знать все обо всех. Любой детектив или сплетницы из бухгалтерии позавидовали бы его умению собирать информацию.

2005

– Куда ты так торопишься? – спросила я, догоняя друга, который спешил в сторону дома.

– Нам надо подготовиться к лабораторной работе, ты забыла? А ты торчала там с этой... Я думал, ты с ней там и останешься.

– Да что с тобой? – я искренне не понимала его реакцию. – Тебя так задело, что она с легкостью отправила тебя в нокаут? – усмехнулась я.

– Никуда она меня не отправляла. Я просто не ожидал, что она накинется на меня, как бультерьер. Я ее не заметил, – проворчал Веня, но шаг не сбавил.

– Так странно, да? Я бы не смогла... вот так. Не побояться защитить незнакомого человека.

Честно, я была в восторге. Среди моих близких знакомых были такие же «забитые» ботаники, как и я, которые предпочли бы либо сбежать, либо, максимум, позвать на помощь. Но чтобы самим лезть куда-то – это не про нас.

– Да она ненормальная. Я видел ее с моим братом. Та еще оторва.

- Правда? – удивилась я. – Она его ровесница? С виду ей не больше двадцати.

- Нет, ей восемнадцать. Она тоже в десятом. Недавно перешла в соседнюю школу. Ну, как перешла. Ее перевели.

- Ей восемнадцать и она еще учится? Как это? – я, наконец, смогла сравнять шаг и шла рядом с Веней, засунув руки в карманы.

- Она пропустила год. Я слышал, что она лежала в какой-то лечебнице.

- Да? Что-то серьезное? Чем она болела?

- Тупостью, – фыркнул Веня, – на наркоте она сидела. Таблетки какие-то. Ее родители весьма обеспеченные люди, отец какой-то то ли бизнесмен, то ли бандит. Хотя, на мой взгляд, сейчас это синонимы. Вот их дочурка и увлеклась всякой дрянью.

- А почему ее перевели? Не логичнее было бы вернуться в свою школу? Я где-то читала, что в процессе реабилитации важно, чтобы человек общался со своими друзьями и близкими. Ну, не с теми, кто тоже зависим, конечно. С... Со здоровыми, – сначала я хотела сказать «с нормальными», но потом поняла, что это было бы грубо. Эти люди достойны сочувствия.

- Она на учете состоит. Драки постоянные были. В прошлой школе друзей у нее особо и не было, насколько я знаю. Всегда со старшими общалась. Такими же. В рок-группе какой-то играет. В общем, не надо тебе с ней общаться. Только если тяжелая музыка, алкоголь и травка не стали твоим хобби.

- Откуда ты все это знаешь? – в очередной раз поразила я.

- Брат рассказывал. Когда родители недавно уезжали, к нему гости приходили. Там была она и ее подружка. Он и рассказал. Говорит, что даже парни ее опасаются. Совсем без головы. Она меня даже не узнала.

- Ты видел ее цвет волос? А пирсинг? Это же с ума сойти.

- Марина, для ее окружения – это нормально. Имидж – это все, сама понимаешь.

- Понимаю, - ответила я, а сама задумалась.

Эта девушка была для меня, как инопланетянка.

В моей жизни, где все было довольно упорядоченно и скучно, не было места для такой дерзости. Я никогда не доставляла хлопот отцу, прилежно училась, готовясь к поступлению в институт. Ходила в художественную школу и занималась плаванием. Вот и все мои развлечения.

Мы с Веней мечтали о переезде в большой город, в мегаполис, чтобы реализовать и воплотить в жизнь все наши мечты. Я хотела поступить в «Институт бизнеса и дизайна», а Веня мечтал стать финансовым аналитиком. Он всегда «дружил» с цифрами, чем выручал меня и мой абсолютно гуманитарный мозг.

Оставалось полтора года до окончания школы, и я понимала, что делаю все, чтобы достичь своей цели.

* * *

Телефонный звонок разбудил меня почти в десять утра, судя по стрелке на часах, что висели на стене.

- Почему ты не спишь в такую рань? - пробормотала я в телефон вместо приветствия.

- Потому что у меня много дел. Я в двенадцать иду в салон на маникюр. А вечером мы идем в галерею, ты помнишь? - голос друга был очень бодрым, и я подумала, что, вероятно, он уже давно проснулся.

- На маникюр? Ты точно не гей? - усмехнулась я.

- Марина, я говорил тебе, что общаюсь с людьми и мне необходимо хорошо выглядеть. Тебе я бы тоже советовал об этом подумать. А то ты, как из пещеры. Странно, когда твой друг-натурал выглядит ухоженной тебя.

- Вот именно, Веня.

- Иди в задницу. В общем, к пяти я буду у тебя. Поедем на такси.

- А на моей машине нельзя? - зевнула я.

- Нет. Там будет алкоголь и много людей, с которыми я хочу тебя познакомиться. Трезвая - ты не очень приятный собеседник.

- Отлично, Веня, с утра забросал комплиментами, - проворчала я.

- Я не виноват в этом. Все, в пять часов.

- Хорошо. Пока.

Около часа я тщетно пыталась уснуть. Но вместо этого вспомнила, что в моменты сборов на торжественные мероприятия Веня был больше похож на девушку, чем я. Он всегда следил за своей внешностью, хотя, на мой взгляд, в этом не было смысла. Он и так был достаточно мил. Светлые волосы, серые глаза, тонкий нос и длинные ресницы. Он был похож на какого-то поэта или пианиста, со своими длинными пальцами и утонченными чертами лица. Даже будучи в средней школе, он всегда выглядел опрятно и ухоженно. Чего нельзя было сказать обо мне, в вечных толстовках и джинсах, скрывающих фигуру.

2005

- Ты, правда, в этом пойдешь? - бровь Вени медленно поползла вверх, когда он оглядел мой наряд. Хотя нарядом это было сложно назвать. Джинсы, майка и толстовка на молнии.

- Ну да. А что такого? - пожала я плечами, осматривая себя.

- Это же не обычный день в школе. Это все же дискотека. Тем более, новогодняя. Или ты не видишь разницы? Как ты будешь танцевать, тебя же никто не пригласит в таком виде?

- Я и не собиралась ни с кем там танцевать, – огрызнулась я.
- Зачем тогда мы идем? Ладно, я, меня Настя позвала. А ты?
- В смысле «Настя позвала»? Какая Настя? Емельянова?!
- Ну, да... – пробормотал парень и покраснел.
- Ты козел, Веня. И что, ты идешь с ней? Чего тогда ко мне приперся?
- Эй, я не иду с ней. Она просто там будет. И я хочу с ней потанцевать. А иду я с тобой. А что, ты ревнуешь? – хохотнул он.
- Да кому ты нужен, ревновать тебя, – фыркнула я, – я, вообще, иду послушать эту группу.
- Бойцовой?! Так ты ради этого решила пойти?! – я думала, он удавится галстуком от возмущения.
- Кто такая Бойцова?
- Наркоманка эта! Которая меня чуть не убила.
- Саша?
- Саша, – передразнил он меня, – с каких это пор ты стала слушать такую музыку?
- Просто интересно, чего ты разорался? – я даже немного смутилась от его интонации.
- Ничего. Надень что-нибудь попрличнее, и пойдём.
- Ладно, посмотрю, что есть еще. Жди тут.

Оставив друга на кухне, я направилась в свою комнату, пытаюсь вспомнить, есть ли у меня что-то «приличное» в гардеробе.

Мы вошли в просторный актовый зал, украшенный шарами, бумажными снежинками и разноцветными гирляндами. Честно, я всегда считала, что школьные дискотеки если и проводить, то начиная только с девятого класса. Потому что резвящаяся малышня пятого и выше только мешались под ногами и создавали невыносимый гул и так в шумном месте.

У одной стены стояли несколько соединенных в один ряд столов с напитками и немудреными закусками, на которые были щедро выделены деньги из бюджета школы. У другой стены, что напротив, стояли стулья. Почти все были свободны, кроме трех в центре. На которых сидели «звезды» нашей школы. Самые красивые, самые модные и самые высокомерные. И именно к их «главе» и направился Веня, не отпуская моей руки.

Если бы не дружба со мной, то Веня наверняка был бы в их компании. Он был красивый, интересный и веселый. Но он дружил с замкнутой и тихой «белой вороной» – со мной. Поэтому, по безжалостным школьным, непонятно кем написанным правилам, официальный путь в элитный слой общества ему был закрыт. Но он, похоже, особо не переживал на этот счет.

Я же совершенно не хотела сидеть среди этих девушек, которые, к слову, пришли в красивых платьях. Я знала, что скоро подойдут и их дружки, а с ними у меня всегда была тихая война. Я считала их откровенно тупыми тестостероновыми качками, а они меня обзывали «девственной недотрогой». Да, так и было, но я не считала, что об этом нужно знать всей школе. Черт побери, это моя личная жизнь.

Поэтому, когда Веня был в нескольких шагах от этой компании, где ему уже улыбалась эта Настя, я вырвала свою руку и сказала, что лучше побуду у стола с едой. Веня хотел было протестовать, но я его уже не слышала, так как быстрым шагом направлялась к своей цели.

Встав у стола, я налила себе какой-то газированной воды предположительно гранатового вкуса в пластиковый стаканчик и осмотрелась. Зал был полон. Тут и там были танцующие парочки и бегающие дети. Только я начала размышлять о

том, когда же случится такое, что и я буду на этом танцполе с каким-нибудь старшеклассником, как почувствовала толчок в спину.

Вода выплеснулась из стакана прямо мне на джинсы, растекаясь красным пятном. Что за красители добавляют в нее, это вообще законно?

– Блин! – воскликнула я.

– Ой, прости... А, это ты, недотрога. Что ты тут забыла? – я обернулась и увидела главную причину моих школьных бед.

– Семенов! Ты вообще уже по сторонам не смотришь?! – возмутилась я, когда он и не подумал извиниться, увидев меня.

– Не ори, Соколовская. Никто не пострадал, – отмахнулся он, а я почувствовала стойкий запах алкоголя.

– Ты что, пил? – искренне удивилась я.

– И что? Пойдешь, растреплешь директору или завучу? – он дыхнул на меня, и в нос ударил запах перегара, смешанный с мятной жвачкой. Видимо, Семенов не знал, что если пытаешься замаскировать запах алкоголя жвачкой, лучше использовать фруктовую. Мятная вызывает обратный эффект.

– Не собираюсь я никому рассказывать. Как вообще ты достал алкоголь? Это же запрещено, тебе нет восемнадцати.

– Тебе зачем? – засмеялся он. – Ты, наверное, крепче кофе не пила ничего. Как и твой дружок-педик.

– Веня не педик, и ты об этом знаешь, – разозлилась я.

– Ага, весь такой ухоженный, вылизанный, с подстриженными ноготками, – продолжал смеяться парень.

– То, что ты похож на гориллу, не значит, что все должны быть такими же. Но я удивлена, как ты все подмечаешь. Может, он тебе понравился? Так я тебя

расстрою, он не по этой части.

Я не знаю, о чем я думала, когда произносила эту речь. Скорее, я вообще не думала. Но это было важным – защитить своего друга. Своего единственного друга. Я знала, что Веня на моем месте сделал бы то же самое. И плевать, был этот разговор с Семеновым или с двумя Семеновыми. К слову, этот Семенов был раза в три крупнее меня. Он занимался вольной борьбой и даже занимал какие-то призовые места на районных и городских соревнованиях. Поэтому ему не составило бы труда стереть меня в порошок. Смелость иногда ходит рядом с глупостью. Я уже слышала об этом раньше, но именно в тот момент поняла, что конкретно означает эта фраза.

– Соколовская, ты меня сейчас педиком обозвала? – он повернулся ко мне всем корпусом и стал выглядеть еще более угрожающе.

– Я... Нет, я имела в виду...

– Я долго терпел тебя, сучка мелкая. Сегодня ты и твой дружок получите свое.

Он двинулся в мою сторону, а я поняла, что даже кричать смысла нет. С такой громкой музыкой я сама себя плохо слышала. Я продолжала пятиться к стене, а Семенов шел на меня, гадко ухмыляясь. Когда места для отступления больше не осталось, я уперлась спиной в стену, а потом и в угол. С одной стороны были столы, с другой – Семенов. И я понятия не имела, что он сделает.

Я закрыла глаза и приготовилась к тому, что последует удар или толчок. Но вместо этого я услышала какую-то возню и сдавленный стон.

Я открыла глаза и несколько раз моргнула. Думала, у меня уже галлюцинации.

Семенов стоял на коленях, зажмурившись от боли и прижимая руки к причинному месту. Рядом с ним стояла она. В неизменных тяжелых ботинках на толстой подошве, джинсах с цепочками и наглой улыбкой.

– Ты в порядке, красавица? – спросила она, огибая стонущего Семенова и подходя ко мне.

– Да... Я... Да, – растерянно пробормотала я, все еще пытаюсь осознать происходящее. Она снова спасла меня? Хотя в прошлый раз это было, скорее, недоразумение.

– Только не говори, что это тоже твой друг, и вы снова развлекались, – усмехнулась она, откидывая прядь волос с глаза.

– Что? Нет, – очнулась, наконец, я, – он не друг. Абсолютно. И... спасибо тебе.

– Да не за что. Пойдем, – она схватила меня за руку и развернулась.

Наклонившись к парню, который все еще корчился от боли, она сказала:

– Семенов, я тебе говорила, что яйца оторву, если снова будешь лезть к девочкам? Считаю, это последнее предупреждение.

– Да пошла ты, – прошипел он, даже не пытаясь встать на ноги.

– Я-то пойду. А вот ты посиди, – засмеялась она и потащила меня за собой.

Очнулась я, когда мы оказались уже в мужском туалете.

– Что... Что мы тут делаем? – спросила я, слегка испуганно озираясь по сторонам. Я ни разу не заходила в мужской туалет и, честно говоря, даже не имела такого желания. Тут все было ровно так, как я себе и представляла – грязь, неприятный запах, исписанные стены, окурки на раме небольшого окна под потолком. То еще зрелище.

– На улице холодно, не хочется выходить, – спокойно сказала моя «спасительница» и достала из заднего кармана джинсов смятую пачку сигарет, – будешь?

Я отрицательно покачала головой.

– Я не курю.

– Ну, конечно, красавица, – усмехнулась она, – я могла бы и сама догадаться.

Привычным движением она, придерживая сигарету зубами, чиркнула красивой металлической зажигалкой и прикурила. Густое белое облачко поднялось к потолку и растаяло через несколько секунд.

Я слегка закашляла. Я никогда не курила и даже не пробовала. Мои знакомые, с кем я общалась, Веня, отец тоже не курили, поэтому запах дыма был для меня непривычен.

– Не нравится? – с кривой ухмылкой спросила она, усаживаясь на грязную батарею, торчащую из стены. Я бы ни за что не стала садиться на эту батарею. Одному Богу известно, что там, внутри этих решеток. Мне казалось, что если взять оттуда лабораторную пробу, можно обнаружить что угодно – от палочки Коха до вируса Эбола.

– Здесь нельзя курить, – сказала я. Ну, не говорить же ей, что мне не нравится то, что она тут дымит, потому что я зануда, которая даже не пробовала сигарет.

– Знаю. И что? – улыбнулась она.

– Если нас поймут, то будут проблемы, – пробормотала я. Отлично, теперь она будет думать, что я еще и трусиха. Впрочем, так и есть.

– Если ты никому не расскажешь, то никто и не узнает, – она выпустила колечко из сигаретного дыма, и оно поплыло прямо ко мне.

Я рукой «разрезала» кольцо и смотрела на расплывающиеся струйки дыма, как замороженная.

– Что ему надо было от тебя? – неожиданно спросила она, выпуская целый ряд колечек, чем привела меня в полнейший восторг. Представляю, какой идиоткой я тогда выглядела, улыбаясь этим «фокусам».

– Кому? Семенову? – я глазами следила за кольцами, постепенно теряющими свою форму.

– Ага.

– Он неандерталец, – пожала я плечами, – человек, думающий только о своих мышцах и соревнованиях. Странно, что он пьет при этом.

– А ты, значит, умняшка, – она выпрямила спину, и пристальный, изучающий взгляд голубых глаз встретился с моим.

– Я... Мне нравится учиться. Я не хожу на всякие «тусовки», вечеринки и прочие места, куда ходит вся компания этого Семенова. Мне это не интересно.

– А что тебе интересно?

Я отвела взгляд. Мне особо нечем было похвастаться. У меня за спиной не было ничего такого, о чем я бы могла с гордостью ей рассказать. Не говорить же: «Я так шикарно написала сочинение по английскому, что училка меня минут пять хвалила, не переставая». Это так скучно. Моя жизнь скучная. Я скучная.

– Ну... Я занимаюсь рисованием. И плаванием, – тихо сказала я, ожидая, что она в голос засмеется и выскочит из туалета, лишь бы только не умереть со скуки.

– Правда? Нарисуешь как-нибудь меня?

Я ушам не поверила. Это было совсем не то, чего я ожидала.

– Ну... Да, конечно, – улыбнулась я более смело.

– Договорились, – она встала, потушила окурок о стену и засунула его между решетками батареи, – пойдем, мы скоро выступать будем. Программа скучная, но хоть что-то, – сказала она и, снова взяв меня за руку, потянула к выходу.

* * *

– Откуда здесь столько людей? – поразила я, когда мы с Веней зашли в широкий зал галереи, где проходила выставка.

– Не забывай, в каком городе мы живем. Не все такие невежи, как ты, – пробормотал друг, оглядывая публику, – спасибо, кстати, что оделась более-менее прилично. Можно было, конечно, и платье разок нацепить, ничего бы страшного не случилось, но так тоже неплохо.

– Спасибо, Веня, – сладким голосом ответила я, – но если бы я надела платье, то все бы подумали, что мы пара, и никакая красивая барышня не оставила бы тебе своего номера. А так, когда я в брючном костюме, сразу понятно, что мы максимум – коллеги.

– Ага, или понятно, что сексуальный молодой человек просто пришел со своей подругой-лесбиянкой.

– Не груби, Вениамин, – строго сказала я, слегка толкнув друга в бок.

– Пойдем, возьмем шампанского и найдем моих знакомых, – сказал друг и, взяв меня под руку, направился вглубь помещения.

Это было самое настоящее светское мероприятие, где женщины ходили в платьях и звенели украшениями, а мужчины щеголяли в пижонских костюмах. Я была почти единственной «леди», которая заявила в брючном костюме на открытие выставки. Почему почти, потому что помимо меня было еще две девушки в черных брюках и белоснежных блузках. Но они были организаторами. Так что из гостей, да, я была единственной «мадам в штанах», как выразился Веня.

Я хотела привлекать к себе как можно меньше внимания, а вышло, как обычно, наоборот. То и дело я ловила на себе странные взгляды посетителей выставки, особенно из поколения «постарше». Наверняка, обсуждали, какой это моветон – припереться на мероприятие такого масштаба в штанах.

Веня заставил меня выпить бокал шампанского и только после этого повел знакомиться с его товарищами. В общем, я его понимала. Я осталась такой же застенчивой, какой была и в школе. По крайней мере, в толпе незнакомых людей. Если это были просто один-два человека, с которыми мне нужно побеседовать, проблем у меня с этим особо не было. Учитывая, что двадцать процентов моей работы состоит именно в переговорах. Но если это незнакомая мне компания, особенно где мне нужно показать себя в выгодном свете, то с этим всегда возникали трудности. Из меня обычно слова не вытянешь. Поэтому, когда приятные пузырьки шампанского оказались в моем желудке, а взгляд мой потеплел, Веня кивнул и, снова взяв меня за руку, направился к группе людей, стоящих неподалеку.

2005

Я стояла почти в середине зала, окруженная толпой, замороженно смотрящей на сцену.

Несколько парней вытащили барабанную установку, синтезатор, какие-то усилители. Высокий худой парень с длинными и явно грязными волосами принес стойку с микрофоном. Постучав по крышке, он что-то пробормотал в микрофон, очевидно, проверяя качество звука. Не знаю, что он понял из своего бормотания, но парень повернулся к барабанщику, который, в отличие от своих «коллег по цеху», был абсолютно лысым, и уверенно кивнул ему. Пару минут была еще какая-то возня на сцене, подогреваемая поощрительными выкриками из толпы школьников, и тут этот длинный парень снова вернулся к микрофону и сказал:

- Привет, друзья!

Все зашумели и зааплодировали. Он поднял наполовину сбритую бровь и сказал еще раз:

- Вы что тут, спите, что ли? Давайте еще раз. Привет, друзья!

Тут уже начали раздаваться визги девчонок и свист парней. Я смотрела на сцену и пыталась увидеть Сашу. Я знала, что она играет на гитаре, но с гитарой стоял коренастый парень лет двадцати, что-то вкручивая в корпус музыкального инструмента.

– Другое дело, – одобрительно проговорил в микрофон «ведущий», – наша группа называется «Бойцовые псы» и сейчас мы устроим настоящее веселье! Вы готовы?!

Получив в ответ еще более громкие крики, от которых я даже поморщилась, он снова повернулся к барабанщику и махнул рукой.

Тот стукнул по плоскому «блину», вызвав первый звук, а потом началась настоящая музыка.

Я была удивлена, услышав, что у солиста, того самого высокого паренька, который, очевидно, «забил» на гигиену, на самом деле был потрясающий голос. Они начали с известных песен группы «Nirvana», как мне потом сказал Веня. Спустя две композиции, когда толпа буквально ликовала, я уже потеряла надежду увидеть Сашу. Я подумала, что она обманула меня, сказав, что будет выступать. Хотя она сказала, что будет выступать их группа, совсем необязательно, что она тоже будет играть. Но тогда зачем ей гитара?

Пока я оглядывала зал в поисках Вени и мысленно рассуждала о том, обманула ли меня Саша или это я ее не так поняла, я даже не заметила, как зал притих. Я услышала красивую нежную мелодию. Было ощущение, что я ее уже слышала, но я была практически уверена, что это невозможно. «Руки вверх» и «Краски» – вот мой музыкальный вкус.

Я подняла глаза и увидела на сцене ее. В своих джинсах и массивных ботинках, с челкой, спадающей на лицо, она извлекала такие звуки из гитары, что у меня защемило сердце. А потом она запела. Песня была грустная, невероятно красивая и трогательная. Я хорошо знала английский и без труда разобрала, о чем поется в этой песне, хотя произношение Саши, честно сказать, хромало. Но это было неважно. Она будто слилась с инструментом, а ее голос обволакивал всех вокруг. Я и не заметила, как по залу закружились парочки, обнявшись. Даже неугомонная мелюзга притихла. А я стояла, чуть ли не открыв рот от восхищения. Саша закрыла глаза и полностью отдалась музыке. Ее голос, сочный, насыщенный, с еле заметной хрипотцой, просто гипнотизировал меня. Да что меня, всех. Это действительно было великолепно.

Когда песня закончилась и началась другая, более громкая и веселая, рядом со мной оказался Веня.

- Круто спела, да? - спросил он, перекрикивая гитарный перебор и шум барабанов.

- Очень. Мне так понравилась эта песня, - призналась я, - кто это поет?

- «НМ», - ответил Веня, делая шаг назад, чтобы пропустить бегущих детей. Они словно с ума посходили. Они бегали, прыгали, поднимали руки и трясли головами, подражая солисту и парню с гитарой, что веселились на сцене.

- Ты их тоже слушаешь? - удивилась я, потому что, насколько мне было известно, мой друг был фанатом Eminem'a.

- Мне приходится. Не забывай, мы с братом делим одну комнату на двоих. Волей-неволей я «познакомилась» со всеми такими группами.

- Понятно. Я не думала, что они будут петь такие... красивые песни.

- Подожди, они еще дадут жару, я уверен, - засмеялся Веня.

Что удивительно, он оказался прав. Больше медленных песен не было. Как мне объяснял по ходу их выступления друг, они исполняли композиции групп «Rasmus», «Linkin Park» и какие-то еще. Солировала либо Саша, либо они вдвоем с этим долговязым парнем. Я была, будто под гипнозом. Она просто источала талант. И я подумала, что Саша должна выступать не здесь, не на школьной дискотеке, а там, где ее действительно оценят. На большой сцене под софитами. И ей не нужны ни гитарист, ни барабанщик, ни парень с немой головой. Она сама была настолько самодостаточна, что вполне справилась бы без них, я была уверена.

Потом они стали петь русские песни, которых не знал даже Веня. Они почти все были о современном обществе, об изгоях, о непонимании. Я сразу провела параллель между ребятами из группы и общественным мнением. Точнее, между Сашей и общественным мнением. Веня мне рассказал о ней столько нелицеприятных фактов, в то время как она уже дважды помогла мне. Ладно, первый раз, технически, не считается. Но в ситуации с Семеновым без нее я бы не справилась. Вероятно, если бы не Саша, вечером я бы сидела дома, прижимая к щеке кусок мяса из морозилки, чтобы синяк не растекся на пол лица. Но она,

совершенно не испугавшись огромного нетрезвого парня, спасла меня. Может, она на самом деле вовсе не «оторва», как выразился Веня?

К девяти вечера концерт был окончен. Веня предложил меня проводить до дома, и мы уже выходили из актового зала школы, как к нам подошла Настя Емельянова. Та самая «королева школы». И, задержав моего друга, оттащила его в сторону. Я вышла из зала и встала у стены, в ожидании товарища.

Мимо меня шли школьники – кто группами, кто парочками, все выходили из помещения, где уже включили свет. Праздничная атмосфера развеялась в тот момент, когда зал озарили множество ламп. А в моей голове все крутились слова той песни. Я даже не заметила, как кто-то оказался около меня, и вздрогнула от неожиданности, когда почувствовала прикосновение к своему плечу.

– Ну как, тебе понравилось? – Саша стояла рядом со мной, а на ее лице снова была эта наглая и уверенная ухмылка. Только теперь я знала, что она оправдана. Ее руки и голос вытворяли такие вещи, что она действительно могла считать себя лучше других. И с этим было бы трудно поспорить.

– Очень, – честно призналась я, – у тебя совершенно потрясающий голос. Правда.

– О, спасибо, – она улыбнулась как-то иначе. Мне показалось, что это было действительно... искренне. Неужели она сама не понимала, насколько она была талантлива?

– Вы много где выступаете? – спросила я, удивленная своей смелостью. Ну, не умею я заводить разговоры с малознакомыми людьми. Я всегда смущаюсь и говорю что-то невпопад. Поэтому стараюсь ограничивать свои социальные связи, чтобы меня не посчитали какой-нибудь ненормальной. Но с ней мне хотелось поговорить. Она настолько не вписывалась в мой мир и мое окружение, что это влекло меня невероятно. Жутко пугало, но и влекло.

– В трех школах. В моей в том числе. Но в вашей мы в первый раз. У вас тут неплохо.

Она посмотрела по сторонам и, словно задумавшись, задержала взгляд на ком-то в зале. Потом снова повернулась и, улыбаясь, сказала:

– Мы с ребятами хотим повеселиться после того, как соберем аппаратуру. Не хочешь присоединиться? Можешь взять своего друга.

Я стояла, как вкопанная. Хотела ли я присоединиться к группе сумасшедших ребят, от которых так и веет проблемами с законом? Часть меня, с которой я только начала знакомиться, вопила: «Конечно, да!», но другая я, та, которая существовала все мои семнадцать лет, отрицательно качала головой, сложив руки на груди и поджав губы. И я решила послушать ту, с которой была знакома куда дольше.

Поэтому, поковыряв ботинком пол, я подняла глаза и ответила:

– Я... Я бы с удовольствием, но...

– Ладно, не объясняй, – усмехнулась Саша, убирая волосы с лица, – я понимаю. Такой хорошей девочке, как ты, нельзя таскаться с такими, как мы.

– Не в этом дело, – попыталась запротестовать я, но знала, что она была права.

– Да не парься, все нормально. Кстати, если тебе понравилось, мы послезавтра будем в моей школе выступать, в четырнадцатой, она тут рядом. Захочешь – приходи.

– Я... Я приду, – кивнула я, и только потом поняла, что сказала. Куда я приду?! В незнакомое место, где я даже никого не знаю?! Черт, ты – идиотка, Марина.

– Ладно, вон, твой парень идет, – она кивнула в сторону, и я увидела приближающегося Веню, – я пойду. Спасибо, что пришла нас послушать, – она снова кивнула и развернулась, чтобы пойти обратно к своей группе.

– Он не мой парень! – крикнула я ей вдогонку, сама не понимая, зачем. Ну, какая ей разница, мой он парень или нет? Боже.

Веня кивнул ей в знак приветствия и подошел ко мне.

– Только не говори, что вы теперь с ней подружки, – проворчал он, когда мы направились на первый этаж к раздевалкам.

- Нет, просто... Она пригласила меня на свой концерт послезавтра. Ну, не на их концерт, в смысле, а на их выступление.

- Куда? - Веня не смотрел на меня, просто протянул наши номерки старенькой гардеробщице и плечом оперся о стену.

- В «четырку». В ее школу, - пояснила я.

- М. Пойдешь? - Веня подал мне мою куртку и стал натягивать свою.

- Не знаю. Ты не хочешь сходить со мной? - с надеждой спросила я. Если и был шанс, что я заявлюсь в эту школу, то этот шанс был только с Веней.

- Послезавтра? - спросил он и, наконец, посмотрел на меня.

- Да, - я застегнула куртку до горла и поправила капюшон.

- Нет, меня Настя пригласила в кино.

- Свидание? - я игриво пошевелила бровями, стараясь скрыть свое разочарование. Я хотела пойти на этот концерт. Я хотела снова услышать, как она поет.

- Отвали, Соколовская, - фыркнул Веня, но не смог сдержать смех.

- Ей нравятся плохие мальчики, - продолжала я издеваться над другом, пока мы шли к выходу.

- А тебе, я смотрю, нравятся плохие девочки, да? - ответил в той же интонации Веня, открывая дверь.

- Ты - дурак! - обиженно заявила я и вышла из школы.

* * *

Веня подвел меня к группе людей из пяти человек. Представив всех по очереди, он представил и меня:

– Это моя давняя подруга Марина Соколовская. Когда-то она была подающим надежды художником, но решила пойти по другому пути, – улыбаясь, заключил Веня.

– Правда? В каком стиле вы творили, Марина? – спросил высокий мужчина в черном до неприличия костюме.

– Портреты, – ответила я, слегка улыбаясь. Надо было выпить два бокала.

– Марина невероятно точно передавала характер на бумаге. Честно, я иногда думал, что это фотографии, – снова открыл рот Веня.

– Мы могли где-нибудь видеть ваши работы? Вы не выставлялись? – подключилась к разговору дама лет сорока пяти в платье цвета морской волны.

– Только если в школьном коридоре в две тысячи четвертом, – усмехнулась я и тут же прикусила язык. Веня всегда говорил, что мое чувство юмора годится только для встречи выпускников.

Но, на удивление, этот мужчина – «черный плащ» рассмеялся:

– У вас оригинальное чувство юмора, Марина. Позвольте, я вам все покажу здесь.

– Буду очень признательна, – вежливо кивнула я, и мы отправились в «плавание» по галерее.

Артем Петровский, владелец этой галереи и мой личный экскурсовод, показал мне все залы и выставленные работы. Тематика была скучновата – это была обычная выставка экспрессионистов. Работы были хорошие, но мне было скучно. Хотя я, как могла, старалась сохранять заинтересованное выражение лица.

Он рассказал мне, что через несколько месяцев в его галерее будет скандальная выставка по тематике «Любовь и боль». Когда я спросила, что это значит, он

хитро улыбнулся и проговорил:

– Марина, как вы считаете, что такое любовь?

Отличный вопрос. Спросите меня об этом шесть лет назад – я бы тогда часами рассказывала, не умолкая. А сейчас? Понятия не имею.

– Думаю, это самый спорный вопрос из всех существующих. Даже те, кто через это проходил, с трудом ответят вам членораздельно.

Он снова засмеялся и сказал:

– Это самый интересный ответ из всех, что я слышал. Обычно люди начинают говорить банальные вещи типа «когда ты чувствуешь, что без этого человека не можешь», «когда утром хочется видеть только его улыбку» и прочую чушь. Наша выставка покажет, что «любовь» вполне может сосуществовать с таким ощущением, как «боль». И, более того, порой они неразделимы.

– Это будет выставка БДСМ-щиков? – спросила я прежде, чем успела подумать.

– В том числе, – спокойно кивнул он.

Мои глаза полезли на лоб. Я должна буду посетить эту выставку.

– Также будут фотографии, истории и живые люди. Приходите, я думаю, вам понравится, – сказал он, когда мы уже направлялись обратно.

– Я с удовольствием.

– Оставьте свои контакты, и я вышлю вам приглашение, – улыбнулся он и подошел к той самой женщине в голубом платье. – Милая, Губернов здесь с женой, мы должны с ними поздороваться.

Они извинились и направились вглубь зала, держась под руку.

– Они что, женаты? – спросила я у Вени. – Он ее лет на десять младше.

- На семь, - поправил меня друг, - она купила ему эту галерею. Она - глава какого-то банка. А он - ее фаворит. И да, они женаты. Причем, уже года три.

- С ума сойти, - протянула я, - а она не заревнует? Что он со мной тут ходил?

- Он полностью погружен в работу своего детища. И, к тому же, извини, конечно, но ты выигрываешь только возрастом и симпатичной мордашкой. Так что...

- Все, помолчи, я поняла, - проворчала я, - он пригласил меня на выставку. Через несколько месяцев. Скандальная премьера. Знаешь, как называется? - я подняла бровь, заигрывающе улыбаясь.

- Не говори только, что это будет что-то вроде «Геи в девятнадцатом веке».

- Очень смешно, мой друг, - без тени улыбки ответила я, - нет, название так поэтично. «Любовь и боль». Очень «оригинально», не находишь?

- Боже. Это пошло. Такое клише, - поморщился Веня.

- Я тоже так сначала подумала. Но, надеюсь, это все же рабочее название. Хотя тематика интересна. Мы должны будем сходить.

- Я не против, - сказал он и, тут же извинившись, отошел с кем-то поздороваться.

Я, вооруженная бокалом шампанского, пошла бродить вдоль стен с большими картинами. Я смотрела на работы художников, некоторые имена которых я знала, и продолжала думать о том, что сказал мне Петровский. Определенно нужно будет посетить эту выставку.

2005

Приближающийся праздник грозил стать самым скучным Новым годом за все мои семнадцать лет. Я лежала в кровати, укутанная в одеяло, с градусником подмышкой. Вчера утром, проснувшись, я поняла, что наша с Веней прогулка после дискотеки была ошибкой. Мы опять начали толкать друг друга в сугробы,

я вспотела и расстегнула куртку. Наутро мой голос был похож на скрип старой несмазанной телеги, а горло сковали тиски. Температура перевалила за отметку в тридцать восемь, и состояние было отнюдь не лучшим. Папа регулярно приносил мне таблетки, горячий чай и даже сделал куриный бульон. Правда, его пришлось смыть в унитаз, потому что он его пересолил. Честно, непонятно, как он справлялся, когда я была маленькой. Наверное, это была полностью заслуга бабушки.

Мама ушла от нас, когда мне было два года. Они с папой даже не были женаты. Два влюбленных подростка, которые сделали ребенка в шестнадцать. Когда маме исполнилось восемнадцать, она ушла. Уехала за границу с каким-то взрослым богатым мужчиной. И больше я ее не видела. Слышала только, как папа разговаривал как-то с бабушкой, мне тогда только-только исполнилось пятнадцать, и сказал, что она долгое время лежала где-то в клинике, лечилась от алкогольной зависимости. А потом ее не стало. Молодая девчонка, приехавшая в штаты, не ограниченная в деньгах. Она просто не справилась. У меня были странные чувства тогда. Будто я потеряла то, чего не имела. Я ее почти не помню. Обо мне в основном заботилась бабушка – мать моего отца, пока сам папа работал и учился. Странно то, что за все мои семнадцать лет ни он, ни бабушка не сказали о ней плохого слова. Я думаю, это потому, что отец действительно ее любил. Он не приводил в дом никаких других женщин, и я даже не знаю, были ли они. Хотя он был молодым красивым мужчиной, достаточно обеспеченным, без вредных привычек. Удивительно, что его никто не «заарканил». Хотя, может, это потому что в десять лет он спросил у меня, не хотелось бы мне иметь «маму». Женщину, которая обо мне бы заботилась, помогала. Но я настолько любила отца этой детской эгоистичной любовью, что мне совсем не хотелось делить его с кем-то еще. Поэтому я покачала головой и сказала, что не хочу никаких других женщин дома. Отец тогда грустно улыбнулся и согласно кивнул.

Не знаю, может, у него тогда была какая-нибудь «подруга», с которой он встречался, но он не переступил через мое желание. Теперь я понимаю, что была эгоисткой, и что нужно было думать не только о себе, но тогда, в десять лет, я не думала ни о ком, кроме себя самой.

Когда мне исполнилось шестнадцать, бабушка окончательно переехала в деревню, с котом и двумя собаками. Она с детства научила меня всему, что должна уметь женщина – готовить, убирать, стирать, гладить и прочим «женским штукам». А папа научил тому, что умеют мужчины. Мы с ним каждое

лето проводили все выходные на даче, облагораживая бабушкин дом. Так что в семнадцать я была настоящим «универсальным солдатом».

Поэтому, когда отец принес мне пересоленный бульон с недоваренной куриной ногой, я долго смеялась, сбиваясь на кашель.

Было решено «вызвать» из деревни бабушку. Мы планировали на сам Новый Год поехать к ней, но моя болезнь нарушила все планы.

– Милая, Веня звонил, сказал скоро придет, – папа осторожно поправил одеяло и привычным движением прикоснулся губами ко лбу, проверяя температуру, – у тебя снова жар.

– Я выпила таблетки, скоро должно отпустить, – прохрипела я.

– Хочешь, я скажу твоему жениху, чтобы пришел завтра? – улыбаясь, спросил отец.

– Папа, – я с укором посмотрела на него.

– Другу, – он поднял ладони вверх, смеясь, – твоему другу.

– Да нет, только дай ему маску, чтоб не заразился, – ответила я, громко шмыгая носом.

– Как скажешь, милая, – он подошел к окну и открыл форточку, – я сделаю тебе чай с лимоном. Пусть пока проветрится.

– Спасибо, пап.

Веня пришел через час. Красный с мороза, он натянул на лицо маску так, что было видно только светлые глаза, сверкающие каким-то восторгом.

– Ты чего такой радостный? – спросила я с долей ревности. Я, значит, лежу болею, а он счастливый и здоровый чему-то сидит и радуется. Ладно, возможно,

немного эгоизма я все же сохранила.

– Вечером с Настей в кино иду. Я думал, она, как всегда, со своими девчонками будет, а она, оказывается, одна собралась. Только со мной. В смысле, мы вдвоем.

– Значит, это полноценное свидание? – тихо спросила я.

– Наверное, – пожал он плечами, – я был бы не против. Она мне с седьмого класса нравится.

– Позвони потом, расскажи, как все прошло, – улыбнулась я.

– Обязательно. Ты как себя чувствуешь? Может, тебе что-нибудь нужно? – вспомнил, наконец, обо мне товарищ.

– Все нормально. Папа иногда пытается меня отравить, но это не специально. Я надеюсь, – усмехнулась я. – Скоро приедет «тяжелая артиллерия» в виде бабушки, так что, я уверена, она меня быстро поставит на ноги.

– Я надеюсь. Будет обидно проваляться все каникулы с температурой.

– Да. Я так хотела пойти на концерт сегодня, – вздохнула я. На самом деле, это – расстраивало меня больше всего. Но в любом случае я на него вряд ли бы попала. Не думаю, что я нашла бы в себе достаточно смелости, чтобы отправиться туда одной. Тем не менее, было обидно.

– Ой, сходишь еще, – махнул рукой Веня.

– Я просто ей обещала... – пробормотала я.

– Марина, сейчас главное – твое здоровье, – поучительно сказал друг.

– Тебе папа заплатил, чтобы ты это сказал? – усмехнулась я.

– Нет, я просто умный, – улыбнулся друг. – Ладно, я пойду. А ты выздоравливай. И больше спи. Завтра я позвоню.

- Пока. Не будь плохим мальчиком, - пошутила я, - или... Наоборот, будь.

- Я разберусь, - Веня похлопал меня по одеялу и вышел из комнаты, оставив меня в полном одиночестве.

3

Мы вышли из галереи, когда на улице было уже темно. Фонари освещали проспект и редких прохожих. Небо было темное, почти черное.

- Ну что, домой? - Веня слегка поежился, поднимая ворот пиджака.

- Есть еще какие-то предложения? - спросила я, делая со своим пиджаком то же самое. Было прохладно и даже промозгло. Собирался дождь.

- В бар? Мы будем странно там выглядеть, - пробормотал друг, осматривая нас обоих.

- Согласна. Поехали ко мне. У меня еще осталась та бутылка, которую мы не допили в прошлый раз.

- Ты серьезно? Марина, ты слишком скучно живешь. Это было два месяца назад. У меня этой бутылки не стало бы уже через два дня, - воскликнул Веня.

- Ты сейчас близок к тому, чтобы я отменила свое приглашение, - проворчала я.

- Ладно-ладно, - усмехнулся друг, - пойдем, поймем такси.

Мы сидели в уютной гостиной, которую я обставляла по принципу «меньше вещей - меньше уборки». Здесь был только диван, низкий длинный столик со стеклянным верхом, напротив дивана - широкий телевизор, висящий на кронштейнах, а в противоположном углу комнаты стояла моя гордость - собственноручно собранный мощный компьютер. Он был идеален как для

работы, так и для игр. Играми я увлеклась еще в школе. Тогда вышла первая «ГТА» от третьего лица, и я «пропала». Веня не разделял моей любви к компьютерным играм, да и в школьное время я не играла так часто, как хотелось бы. «Художка», бассейн и учеба отнимали слишком много времени. Но теперь я могла себе это позволить, поэтому частенько, когда выходные были свободны, я погружалась в виртуальную реальность. На полке над столом стояло огромное множество дисков с разными играми и ПО. Рабочие стояли слева, игровые – справа. Четкое разделение. Четкий порядок.

– Я тебе говорил, что у тебя дома я чувствую себя, как в операционной? – спросил Веня, когда я налила ему виски в стакан, добавила лед и поставила все это на пластиковый квадратный подстаканник.

– Я просто люблю порядок, – невозмутимо ответила я, проделывая то же самое со вторым стаканом.

– Это странно. Ты можешь «забить» на то, чтобы погладить майку или подстричь ногти, но... Черт, в твоём туалете можно есть с пола!

– Именно этим ты и займешься, если не перестанешь приставать ко мне с чистотой моего дома, – спокойно проговорила я.

– Я знаю, почему это происходит, – не унимался друг.

– Правда? – вздохнула я. – И почему же, мой дорогой доктор-психиатр?

– Потому что тебе нечем больше заняться. Ты же только работаешь! Вот скажи, когда ты в последний раз ходила на свидание? – он уложил голеностоп одной ноги на колено другой, рукой опираясь о спинку дивана.

– В прошлом месяце, – ответила я.

– Нет. Это я тебя заставил, – покачал он головой, – когда ты в последний раз сама назначала кому-нибудь встречу?

– Да не помню я! – я начинала терять терпение. – Что ты пристал ко мне? Мне двадцать девять, у меня разгар карьеры, я что, не могу просто не быть

зацикленной на отношениях? Это не самое важное в жизни.

- Правда? Когда-то я слышал от тебя совершенно другое.

- Когда-то и у тебя волосы на голове были гуще. Все меняется, - фыркнула я.

Веня сидел с вытаращенными глазами, так и не донеся стакан до рта.

- Ты... Ты хочешь сказать, я лысею?! - голос парня перешел на фальцет.

- Нет, - я снова вздохнула и закатила глаза, - это я так, к слову.

- Точно? - друг с недоверием смотрел на меня.

- Да. Ты просто разозлил меня. Веня, я не прячусь от отношений и людей. Просто мне никто не нравится. Правда.

- Это грустно.

- Грустно, Веня, это когда ты встречаешься с человеком полтора года, и в один прекрасный момент понимаешь, что вас абсолютно ничего не связывает. Когда ты смотришь в глаза этому человеку и видишь в них любовь, но знаешь, что в твоих - только мысли о последнем проекте. И вот это вот - грустно.

- Ты о Юле? - тихо спросил Веня.

- О Юле, о Светочке, о Наташе. Сколько их еще будет? Мне попадались поистине прекрасные женщины. Но ни одна у меня не вызвала таких эмоций, каких бы мне хотелось. Я ничего не могу с этим поделать. Я не могу заставить свое сердце любить.

- Светочка мне нравилась больше всех, - пробормотал Веня, - она была такой... светлой. Ей действительно подходило это имя.

- Да. Поэтому я и сбежала от нее быстрее всех. Мне было так неудобно... Было ощущение, что я пользуюсь ее добротой, ее чувствами. Я знала, что не люблю

ее. Я хотела. Правда, хотела. Но знала, что не смогу. Решила, что я просто не имею права держать ее около себя, в то время как, возможно, где-то ходит тот, в смысле, та, которая ее полюбит. Которая даст ей все то, чего она заслуживает. Я просто понимала, что ни с одной из них у меня ничего не выйдет. Поэтому не заставляй меня ходить на свидания и строить искусственные отношения. Я уверена, что если мое сердце кого-то выберет, я это пойму.

- Когда, - тихо сказал Веня, глядя в одну точку.

- Что?

- Не «если», а «когда твое сердце кого-то выберет».

- Возможно и «когда». Давай не будем о грустном. Расскажи лучше, как ты познакомился со всеми этими людьми.

Веня начал рассказывать что-то про какую-то очередную выставку, а я, слушая его в пол уха, мыслями была где-то далеко.

Я много раз думала о том, что сказал Веня. Я и сама прекрасно все это понимала. Но я действительно не могла разбудить в себе хоть какие-то чувства по отношению к девушкам, что у меня были. Я никогда не была полигамной, я никогда не изменяла, я никогда не делала чего-то такого, что обидело бы моих «подруг». Кроме одного - ни одну из них я не смогла полюбить.

У меня не было страха перед отношениями, перед обязательствами. Я просто ничего не чувствовала. Нет, конечно, была симпатия, поначалу было влечение, но я понимала, что это обычная физиология. Мы общались, ходили на свидания, изучали друг друга, притирались, потом секс, опять свидания, знакомство с друзьями или близкими. Но дальше все шло по одному сценарию. Работа захватывала меня куда больше, чем отношения. Мне все меньше хотелось этих встреч наедине, совместных ночей. Не потому что мне был интересен кто-то другой, а потому что мне было стыдно. Было стыдно смотреть в глаза своим девушкам. Смотреть на них своими глазами. Глазами, в которых не было ничего. Ни любви, ни привязанности, ни тепла. И я отпускала их. Всех до единой. Кто-то злился, кто-то просил подумать, кто-то благодарил. Какая бы не была реакция, я знала, что делаю правильно.

Я всегда думала, что в своих отношениях я действительно поступаю правильно. Это прозвучит странно, но я не уходила. Я их отпускала. Я отпускала всех своих девушек. Кроме одной. Только от одной я ушла. Потому что отпустить ее я была не в силах.

2006

Вене я позвонила только третьего января, когда я окончательно поправилась. В сам Новый Год и два дня до него у меня была высокая температура, и я просыпалась, только чтобы попить, иногда поесть и сходить в туалет. Новогоднюю ночь я проспала, как и все первое января. Бабушка пичкала меня какими-то отварами, папа – таблетками, в итоге, второго числа я проснулась впервые за несколько дней без температуры и желания не подниматься с постели. Я скинула, наверное, килограммов пять, и стала еще костлявее, чем была. Но в целом, чувствовала себя неплохо.

Какого же было мое удивление, когда мама Вени сдавленным голосом ответила, что ее сын и мой друг не может подойти к телефону, так как он заболел. Я подумала, что он все-таки подхватил эту заразу от меня и, попрощавшись, решила навестить товарища.

Еле уговорив папу и бабушку отпустить меня ненадолго на улицу, я, под их чутким наблюдением, натянула два свитера, теплые колготки, зимние горнолыжные штаны, шарф и утепленную куртку. Бабушка хотела заставить меня надеть еще шапку-ушанку, но, спасибо папе, он сказал, что моей обычной шапки с помпоном будет достаточно.

В итоге, забежав в магазин за апельсинами и лимонами, я, красная от жары, а не от мороза, помчалась к Вене, который жил в десяти минутах ходьбы от меня.

Его мама, Татьяна Ивановна, открыла дверь и очень удивилась, увидев меня на пороге. Я поздравила ее с наступившим и, протянув пакет с фруктами, шагнула в квартиру, как к себе домой. По сути, это и был мой второй дом. Мы с Веней дружили уже почти десять лет и, начиная с пятого класса, регулярно бывали друг у друга в гостях. Он даже ездил со мной и папой к нам на дачу. Его родители считали меня полноценным членом семьи и всегда мне были рады. Но в этот раз, наверное, впервые, я почувствовала, что мое присутствие здесь

слегка неуместно.

– Марина, ты поправилась? Веня говорил, что ты простыла? – его мама стояла в коридоре, держа пакет с фруктами, что я принесла.

– Да, я абсолютно здорова. А что с Веней? Он тоже простыл? – я не понимала, почему она, как обычно, не приглашает меня пройти на кухню и не угощает своей выпечкой.

Тут в прихожую вошел Петр Сергеевич – отец Вени. Высокий, огромный, похожий на шкаф мужчина, у которого ладони были с мою голову.

– Привет, Мариш, как дела? – спросил он, подходя к своей жене.

Мне стало совсем не по себе.

– Все хорошо, спасибо. Где Веня? – я напряглась, чувствуя что-то неладное. – Он сильно простыл?

Тут Татьяна Ивановна как-то странно всхлипнула и закрыла лицо свободной рукой. Петр Сергеевич тут же приобнял ее за талию и, слегка подтолкнув, отправил женщину в дальнюю комнату – их спальню.

– Мариш, лучше тебе прийти в другой раз. Через пару дней. Веня... Сильно заболел, правда. И сказал, что не хочет, чтобы ты снова... заразилась.

Его слова показались мне странными. А то, как он отвел взгляд на последней фразе, только подтвердили мои догадки.

– Петр Сергеевич, Веня – мой лучший друг. Он мне, как брат. Я никуда не уйду, пока не увижу его.

То ли решительность в моем взгляде, то ли мой суровый все еще хриплый голос подействовали на него, но мужчина как-то тяжело выдохнул и, повернувшись ко мне, сказал:

– Только... Сделай вид, что все хорошо, ладно?

Эти слова меня окончательно напугали, но я смогла кивнуть.

Мы прошли по небольшому коридору и остановились у двери, где висел плакат с Жан-Клод Ван Даммом – любимым актером Вени. Петр Сергеевич постучал в дверь, скорее, для вида, и медленно открыл ее.

Я помнила, что обещала делать вид, будто все хорошо. Но увидев Веню, это обещание куда-то испарилось. Я уверена, что мои глаза были размером с часы на Красной Площади.

Лицо Вени было сплошным синяком. Его правая кисть была перемотана, нижняя губа была распухшей и странного цвета. Когда я присмотрелась, то поняла, что на нее наложены швы и, скорее всего, она обработана йодом. Я не смогла вымолвить ни слова, просто пялилась на него, не в силах произнести хоть что-нибудь.

– Так и знал, что ты все равно припрешься, – сказал Веня вместо приветствия.

– Да... Я... – я не знала, что сказать, но положение спас Петр Сергеевич.

Он положил руку мне на плечо и слегка сжал его:

– Ладно, поболтайте пока, я пойду, сделаю вам чай.

– Спасибо, па, – отозвался Веня и, крехтя, сел повыше, подложив под спину подушку.

Я, наконец, смогла справиться с первым шоком, и подошла к кровати друга, подкатив к ней стул, что стоял рядом у рабочего стола, где мы с Веней много раз выполняли домашнюю работу.

– Что с тобой произошло? – спросила я, стараясь говорить, как можно спокойнее. – Тебя машина сбила?

– Если бы, – грустно усмехнулся друг.

- Что тогда? Когда? Как? – вопросы сыпались из меня, как из рога изобилия.

- Помнишь, я к тебе приходил перед тем, как с Емельяновой пойти в кино?

- Конечно. Это она тебя так?! – поразила я, сама не понимая, какую глупость я сказала.

- Нет, конечно, – фыркнул Веня, – Семенов с его дружками.

- Но... Как? – я не верила ушам. Конечно, я знала, что Семенов и его компания те еще отморозки, но никогда не думала, что это настолько близко коснется меня или Вени.

- Я ждал Настю. У входа в кинотеатр. Подошел Семенов. Сказал, что надо поговорить, что надо отойти. Я пошел.

- Веня, ты дурак? Ты не знаешь, какой Семенов ублюдок? – теперь я поразила глупости друга.

- Спасибо, Марина, именно этой поддержки мне не хватало, – скептически заметил Веня.

- Прости, – тихо сказала я, – что было дальше?

- Дальше... Мы зашли за здание кинотеатра, там где, знаешь, мусорные баки, запасные выходы. И там никто не ходит обычно. Там стояли его дружки. Человека три вроде бы. Я даже подумать ничего не успел, как уже оказался на снегу. Они били, пинали, обзывали «педиком», про тебя что-то даже орали, но я уже не слышал. Шапка слетела, и один из них мне ботинком по уху зарядил, – словно в подтверждение своих слов, Веня повернул голову, и я увидела все еще красное ухо и сине-желтый синяк, переходящий на скулу. – Это ухо уже в норму пришло. Оно было вдвое больше. Хорошо, что тогда было холодно, и я надел толстый пуховик. Врачи сказали, что это помогло. Иначе мне бы и внутренние органы, вероятно, повредили. А так – только ушиб ребер.

На этих словах дверь в его комнату снова открылась, и вошел Петр Сергеевич с подносом, на котором стояли два стакана в красивых металлических

подстаканниках и тарелка с какими-то ароматными булочками. Явно очередное творение Татьяны Ивановны. Она была просто мастером домашней выпечки. Поставив поднос с угощениями на стол, Петр Сергеевич вышел из комнаты. А я повернулась к Вене:

- Они знают? - кивнув на дверь, спросила я.

- Конечно, нет. Я ничего им не сказал. Сказал, что не знаю, кто это был. Какие-то отморозки с улицы. И ты не вздумай сказать, - сурово добавил он.

- Но, Веня, это уголовное дело! - возмутилась я.

- Я не стукач, - сердито ответил друг.

- Да, ты не стукач. Ты - дурак. Скольких еще Семенов избьет? И все ему будет сходиться с рук? - негодовала я.

Честно, впервые в жизни у меня чесались кулаки. Хотелось в эту же минуту найти Семенова и врезать ему. Конечно, я понимала, что он может сломать меня, как тростинку, и, наверняка, он бы так и сделал, сунься я к нему. Но я была такой злой, что мне было совершенно неважно, какие могут быть последствия.

- Я сам разберусь с этим, - твердо сказал Веня.

- Это, наверняка, из-за меня, - вздохнула я, вспоминая тот инцидент на дискотеке.

- Ты-то тут при чем? - не понял Веня.

Пришлось рассказать ему о случае с Семеновым и Сашей.

- Ничего себе, - присвистнул Веня, - ну, Бойцова и, правда, ненормальная. Не побоялась даже с Семеновым связаться.

- Я так поняла, эта стычка их уже не первая, - выдвинула свою догадку я. - И, мне кажется, в прошлом он тоже от нее получал.

– И поделом, – усмехнулся Веня, – ладно, давай чай пить. Мама тут меня решила откормить, пока я с небольшим сотрясением и плохо соображаю. Тебе, я смотрю, тоже не повредит. Худая, как швабра стала.

– Можно подумать, раньше ты хорошо соображал, – поддержала я веселый настрой друга, хотя внутри меня все буквально кипело от злости.

4

2006

Я шла от Вени, когда на часах было около шести вечера, на улице уже смеркалось. Мы просидели около двух часов, и он почти сумел избавить меня от грустных мыслей. Но стоило мне оказаться наедине с самой собой, как в голове тут же возникли красочные образы, которые предоставила мне моя богатая фантазия. Я прямо видела, как Веня, весь в крови и без сознания, лежит на холодном снегу совершенно один. Пока его не обнаружили работники кинотеатра, которые вышли выбросить мешки с мусором.

Веня рассказал, что скорую вызвал какой-то таджик, который работает уборщиком. И только когда Веня пришел в себя, уже в больнице, он назвал свое имя и продиктовал номер домашнего телефона, чтобы позвонили его родителям. Когда сделали все анализы, снимки, рентгены и стало ясно, что угрозы для его жизни нет, только тогда их отпустили домой, выписав рецепты и дав «ценные» указания. Врачи предложили остаться в больнице на пару дней для наблюдения, но Веня категорически отказался встречать Новый Год в больничной палате.

Я медленно брела по дворам и аллее, даже не замечая, как из глаз у меня катятся слезы. От злости, несправедливости и собственного бессилия. Если бы я была парнем, я бы, не раздумывая, пошла разбираться с Семеновым. Но я, девчонка весом в сорок пять килограммов, пугающаяся собственной тени, была не в состоянии что-либо сделать. И эта беспомощность злила и расстраивала меня еще больше.

Я проходила мимо своей школы, когда поняла, что из-за собственных слез не вижу дороги. Я присела на железный низкий поручень, прямо около школьного фонаря, чтобы успокоиться и не заявляться в таком виде домой. Не хватало еще добавлять волнения папе с бабушкой.

Я сидела и смотрела на свои заснеженные ботинки, слушая изредка доносящиеся шаги с тротуара. Было морозно и тихо, снег скрипел. И шаги идущих были слышны еще издали, метров за пятьдесят.

Я сидела и «медитировала» уже минут десять, как вновь услышала, что кто-то идет. Это только расстраивало. Не хотелось, чтобы что-то нарушало эту таинственную тишину. Есть что-то волшебное в зимних ночах. Когда снег, неподвижный, освещаемый лишь тусклым светом фонарей, издает свои какие-то неповторимые звуки. И в тот момент мне совершенно не хотелось никакой компании, даже невольной и кратковременной в лице случайных прохожих.

Я услышала, как тяжелые шаги остановились. Потом кто-то словно потоптался на месте, и вновь начал движение. По звуку я поняла, что этот кто-то направляется в мою сторону, но я продолжала надеяться, что какой-то прохожий просто решил срезать дорогу, пройдя через школьный двор. Когда шаги были уже совсем рядом, я невольно подняла голову, чтобы посмотреть, кто идет.

Каково же было мое удивление, когда я увидела ее. Снова без шапки, снова в своих огромных ботинках и узких джинсах, с кофром за спиной.

– Привет, – она присела рядом со мной, а я поразились, как только ей не холодно. У меня были утепленные колготки, штаны и длинный пуховик, и то моя задница стала уже слегка подмерзать. На ней, казалось, кроме джинсов не было ничего, что бы сохраняло в тепле ее пятую точку.

– Привет, – ответила я и опустила взгляд, стараясь как можно тише шмыгнуть носом. Не хватало еще, чтобы она увидела, как я сижу тут и распускаю «нюни».

– Не холодно? – ее голос был хриплый и бодрый. Он прекрасно подходил для этого времени года. Как глинтвейн. Он был похож на зимнее солнечное утро.

– Немного, – кивнула я, не поднимая глаз.

– Что ты тут делаешь? Ждешь кого-то?

– Нет.

– А что тогда?

– Ничего.

Наверное, тогда из меня собеседник был неважный. Она что-то спрашивала, я бормотала что-то нечленораздельное в ответ. Когда она, очевидно, потеряла надежду, что я сама объясню, какого черта я делаю в темноте одна, сидя во дворе школы, Саша встала и, поставив одну ногу на перекладину рядом со мной, наклонилась.

– Ну, давай, красавица. Выкладывай, что случилось.

Ее голос был такой глубокий, морозно-обжигающий, проникающий в самую душу и глубже, что я выложила. Я рассказала ей про Веню, про Семенова, даже про свою болезнь зачем-то приплела туда же.

Она спокойно слушала и ни разу не перебила. Я таким навыком не обладала. Всегда, когда Веня или кто-то хорошо мне знакомый что-то рассказывали, я влезала со своими комментариями и вопросами. Не знаю, почему я ее сравнила с Веней или причислила к «хорошим знакомым», но в тот момент она была мне ближе всех. Была единственной, кому я не побоялась об этом рассказать. Ни папе, ни бабушке, ни кому-то из товарищей я бы не стала, да и не смогла бы вывалить эту гору информации, а ей смогла. Хотя сама не понимала, почему.

Когда я закончила рассказывать ей свою историю, а второй поток слез тоже иссяк, она молча протянула мне платок. Меньше всего я ожидала, что у нее с собой будет платок. Чистый. По крайней мере, я надеялась, что чистый. Словно прочитав мои мысли, она, усмехнувшись, проговорила:

– Да не переживай, он свежий. С детства привычка брать с собой платки. Всегда где-то умудрялась испачкаться.

– Спасибо, – только и смогла ответить я, совсем некрасиво шмыгнув носом.

– И что твой друг собирается делать? – спросила она и отрицательно покачала головой, когда я протянула ей использованный платок обратно. Ну да. Зачем ей мой сопливый платок? Боже. Я всегда рядом с ней буду вести себя, как идиотка?

– Веня? Не знаю. Сказал, что сам со всем разберется. Только я в этом сомневаюсь, – грустно усмехнулась я. – Семенов один нападает редко. Они, как шакалы. Только стаей. А Веня, он вообще никогда не дрался. Нам еще целый год учиться вместе с ними. Я боюсь, что когда они поймут, что остались безнаказанными, и что им это так просто сошло с рук, они снова его изобьют. И это может уже не кончиться так... легко, – сказала я и скривилась от этого слова.

«Легко». На Веню смотреть было страшно, а ведь он действительно, можно сказать, легко отделался. Никаких переломов или серьезных травм. Если не считать сотрясения. Но и оно, как он сказал, легкое.

– Ладно, красавица, разберемся, – сказала она, а в голосе была такая уверенность, что я на мгновение и правда подумала, что разберемся. – Пойдем, провожу тебя до дома. Вы с другом любите влипнуть в неприятности, я так поняла.

Она подняла с земли кофр, закинула его на плечо и подала мне руку. Снова ее ладонь была обжигающе-горячей. Может, у нее с терморегуляцией проблемы? Она, судя по всему, не мерзнет, руки у нее всегда теплые, несмотря на то, что на улице за двадцать мороза. Это странно.

Мы пошли по небольшой протоптанной дорожке, огибая угол школы. Я не знала, о чем еще нам поговорить, но о чем-то поговорить хотелось. Поэтому я не придумала ничего лучше, как начать разговор об их выступлении.

– Как прошел концерт в вашей школе?

Она слегка повернула голову, чуть улыбнулась и, снова вернув взгляд на дорогу, ответила:

– Неплохо. В нашей школе мы часто выступаем. На всех праздниках.

- Мне, правда, очень понравилось, как ты пела.

- Спасибо.

- Особенно та песня, я чуть не разрыдалась, - выпалила я и покраснела. Думаю, сегодня сырости было уже достаточно.

- Какая? - спросила она, усмехнувшись.

- Ну, про похороны сердца, - пояснила я.

- Похороны... чего? - она посмотрела на меня так, будто у меня было две головы.

- Ну... - смутилась я. - Сердец. Группа, как же ее... - я пощелкала пальцами, пытаюсь вспомнить название. - «НИМ», кажется. Точно, «НИМ».

- А. Ты про «Love the funeral of heart», что ли?

- Да, - кивнула я, радуясь, что она меня, наконец, поняла.

- И при чем там сердца?

- Ты... Ты знаешь, о чем поется в этой песне? - теперь пришла моя очередь усмехнуться.

- Не-а. Я немецкий учу. В английском не сильна. Мне просто нравится мелодия. Необязательно знать смысл песни, чтобы она нравилась, - пожала она плечами.

- Там поется о том, что любовь - это похороны сердец, и что даже ангелы плачут кровью. Ну, и все в таком духе, - махнула я рукой, увидев ее вытянувшееся лицо.

- Серьезно? Круто! - засмеялась она. - Это круто.

- Да. Наверное. Ты давно поешь и играешь?

- Уже... - она помолчала, видимо, подсчитывая в голове. - Уже где-то двенадцать лет.

- Ничего себе. Ты преуспела. Думаю, тебя ждет великое будущее.

- Конечно, - усмехнулась она.

- Что? Я серьезно! Ты безумно талантлива! - горячо воскликнула я. Может, даже слишком горячо. - Я так жалела, что не смогла пойти на вашу дискотеку. У меня была высокая температура.

- Ну... Если тебе и правда так понравилось, то приходи на репетицию, - сказала она и достала из кармана пачку сигарет.

- Правда? - я не поверила своим ушам. - А когда?

- Да хоть когда. Мы почти каждый день репетируем. Ну, или просто «зависаем» все вместе. Послезавтра мы должны получить новый усилитель, так что вечером точно будем играть. Приходи.

- А куда? - мои глаза загорелись от предвкушения.

- Давай, я зайду за тобой. Часов в шесть. Это не очень далеко, просто сама ты вряд ли найдешь, - сказала Саша и выдохнула белое-белое облако.

- Послезавтра? Давай, - я не знала, как мне удастся уговорить отца и бабушку отпустить меня, не пойми куда, да еще и после болезни, но я знала, что я должна пойти. - Мы пришли.

Я повернулась спиной к подъезду и выдохнула. Белое облако пара вырвалось изо рта.

- Спасибо, что проводила. И что выслушала. И за платок, - пробормотала я.

- Не за что, - усмехнулась Саша и выбросила в сугроб окурок, - какая у тебя квартира? Или мне тебя здесь подождать?

– Меня? – я стояла, будто зачарованная, и смотрела на нее, совершенно забыв, о чем мы разговаривали до этого. В ее движениях было столько легкости, какой-то уверенности и свободы, что это действительно завораживало. Она была воплощением того, чего всю жизнь опасалась я.

– Ну да. Послезавтра.

– А, – наконец, включилась я в разговор, – да. Сорок первая. Квартира сорок один. Вот этот подъезд, – зачем-то добавила я и снова покраснела.

– Окей, – она снова усмехнулась и, уже разворачиваясь, махнула мне рукой, – до встречи, красавица.

– Пока, – только и смогла пробормотать я в ответ.

* * *

Я с двумя помощниками сидела в кабинете замдиректора. Было решено сказать сотрудникам фирмы, что мы просто ставим новое программное обеспечение на компьютеры. Глава руководства, которого я, к слову, ни разу не видела, подозревал, что где-то есть утечка информации. Основания для таких подозрений мне были неясны, но мое дело, как говорится, маленькое. Я не должна знать и интересоваться тем, во что меня не хотят посвящать. Я сказала, что именно нам потребуется для работы и зам любезно согласился все это предоставить. Доступы, пароли, аккаунты. Я подозревала, что несколько дней нам с ребятами придется провести в серверной, но это меня несколько не расстраивало. Я больше любила тихие комнатки, где слышно только монотонное гудение аппаратуры, чем офисные помещения.

Заместитель директора, Альберт Генрихович, пожал мне руку и сказал:

– Марина, мы очень надеемся на вашу помощь. Если что-то понадобится, я здесь.

– Спасибо. Пока мы справимся сами, но скоро мне нужен будет доступ к жесткому диску головного компьютера. Я так понимаю, это либо ваш, либо директора.

- Вся база и вообще все данные только у высшего руководства, – кивнул он.
- С этим могут возникнуть проблемы?
- Нет, не думаю. Директор в командировке, будет через два дня.
- Тогда я с ним и поговорю, – ответила я и собрала все записи в одну стопку.
- С ней, – поправил он меня.
- Что, простите?
- С ней. Директор – женщина. Она основала эту фирму. Думаю, она, как никто другой, сможет вам дать всю информацию о защите, о том, какие программы используются и кто имеет к ним доступ.
- О, ну, хорошо.

Я еще раз пожала ему руку и вышла из кабинета. Представляю, что там за «акула». Такую фирму поднять в одиночку. Хотя, кто сказал, что в одиночку? У женщин в бизнесе часто имеются свои «покровители». Может, и здесь тот же случай.

2006

Когда в начале седьмого раздался звонок в дверь, я еще бегала по квартире в домашних штанах и с полотенцем на голове. Я так долго думала, что мне надеть, что не заметила, как стрелка часов приблизилась к назначенному времени. Мысленно надеясь, что Саша не разозлится, что я такая копуша, я открыла дверь и тут же выпалила:

- Привет, прости-прости-прости, дай мне пять минут и я буду готова.

Она стояла с открытым ртом, пока, видимо, смысл моих слов доходил до ее сознания.

- Да. Конечно. Я тут подожду, - сказала она и уже было развернулась к лестнице, как я схватила ее за руку и втащила в квартиру.

- Вот еще. Нечего на лестнице делать. Подождешь у меня в комнате.

Я по ее лицу видела, что она хотела запротестовать, но не успела. В прихожей появился папа.

- Ой. Я и не знал, что у нас гости, - сказал он и улыбнулся. Я даже боялась представить, что он подумал, увидев Сашу. Ее... стиль был весьма оригинальным.

- Да. Папа, это Саша, Саша, это мой папа, Александр Юрьевич, - пробормотала я, смущаясь.

- О, привет, тетка, - папа улыбнулся еще шире и протянул Саше руку.

Девушка пожала ее, пробормотав что-то типа «здрасьте». Я только хотела утащить Сашу к себе в комнату, как мой отец решил показать все свои навыки гостеприимства.

- Ты на гитаре играешь? - спросил он, заметив кофр за спиной девушки. - Я тоже играл. По молодости.

- Правда? - мы с Сашей спросили это одновременно. Впервые в жизни я слышала, что мой отец увлекался музыкой.

- Да, еще как, - гордо кивнул он, - мы тогда собрали группу, мне пятнадцать было, и играли. «Наутилус», «Кино», «Машина времени». Тогда все слушали либо это, либо «зарубежку». Ну, там, «Led Zeppelin», «Deep Purple»... «Queen», конечно.

- «Квины» - это круто! - ответила Саша с восторгом в глазах, а я чувствовала себя лишней. Мой отец и Саша? Слушают одно и то же? Seriously?

- Какая твоя любимая песня? - глаза отца горели, будто он вернулся в то беззаботное время, почти на двадцать лет назад.

– «Don't stop me now», конечно! – со знанием дела ответила Саша. То есть, как переводится песня, она не знает, а названия у нее отлетают только так?

– Это и моя любимая! – воскликнул отец, а я только закатила глаза. Алло, кто-нибудь вообще помнит, что я здесь тоже стою?

– Мы тоже играем рок, – улыбнулась Саша, – пусть немного попсовый, но мне нравится.

– Марина, ты иди, собирайся, а мы с Сашей пока чай поьем на кухне, – сказал отец и тут же обратился к госте, – разувайся. Пока эта копуша собирается, расскажешь мне, что вы играете.

Мне оставалось только вздохнуть и направиться к себе в комнату. Хорошо, что бабушка уехала. А то она принялась бы еще и кормить Сашу, расспрашивать о ее семье до пятого колена и вообще ставить меня в крайне неловкое положение.

– У тебя просто офигительно крутой отец! – с восторгом сказала Саша, когда мы вышли из подъезда и направились по дороге вдоль дома.

– Да. Но, честно говоря, я даже не знала, что он увлекался музыкой. Он никогда об этом не рассказывал.

– Он сказал, что ему подарили гитару, когда ему исполнилось девять. А в шестнадцать он бросил все это. Странно, судя по его рассказам, у него неплохо получалось, – задумчиво проговорила она.

– Я помогу. Когда ему исполнилось шестнадцать, родилась я.

– А, – понимающе протянула Саша, доставая сигарету, – теперь понятно, почему он так молодо выглядит.

– Куда мы идем? – спросила я, стараясь перевести тему. Я, конечно, люблю своего папу, но говорить о нем с Сашей было немного странновато.

- На территорию хаоса, – усмехнулась она, поправляя лямку кофра.
- Звучит многообещающе, – я надеялась, что мой голос звучит бодро.
- Так и есть, – кивнула Саша и перевела взгляд на дорогу. Остаток пути мы провели в тишине.

Мы подошли к длинному одноэтажному зданию из кирпича. Там было около десяти больших металлических дверей. Я уже бывала здесь раньше, точнее, проходила мимо. Это здание вызывало у меня неприятные ощущения. Будто за этими дверями творилось что-то нехорошее, даже зловещее.

Когда Саша подвела нас к красной двери, я услышала, что оттуда доносятся какие-то звуки. Я еле разобрала барабаны и чей-то смех.

Саша ободряюще улыбнулась и постучала по двери. Звуки резко стихли, и Саша, смеясь, громко сказала:

- Не очкуй, главная «собака» пришла.

Через несколько секунд я услышала, как в замке провернулся ключ, и тяжелая дверь медленно распахнулась. На пороге стоял тот самый долговязый парень с длинными невымытыми волосами.

- Черт, Саня. Мы же договаривались, что каждый открывает своим ключом, – проговорил парень, отходя назад.

- Да не верещи. Я ключ дома оставила. Пока собиралась, поругалась с предками, возвращаться не хотелось, – она слегка подтолкнула меня вперед и взялась за ручку двери, чтобы закрыть ее за собой.

- Здравствуйте, – пробормотала я, оглядывая помещение и людей, находившихся внутри.

Честно, тут впору было снимать фильмы ужасов типа «Пилы». Это был большой длинный гараж. Мне казалось, сюда вполне может поместиться КамАЗ.

Помещение было условно разделено на две зоны. Первая, что ближе к входу, явно была местом для «тусовок». Квадратом стояли четыре задних сидения от каких-то автомобилей, а в центре друг на друге лежали две покрышки. Сверху располагалась доска. Видимо, такой самодельный «андеграундовый стол», на котором стояла пепельница. На полу валялись несколько пустых пивных бутылок, банок и какой-то мусор. Стены украшали календарные плакаты с полуголыми женщинами, надписи типа «Маша шл*ха» и автомобильные номера.

Вторая зона разительно отличалась от первой. Там не было мусора, исписанных стен и чего-то, что напоминало бы притон. Зато стояли по две большие колонки у каждой стены, барабаны, синтезатор, которые я уже видела на школьной дискотеке, и какая-то большая прямоугольная штука черного цвета. Я подумала, что это генератор, потому что у нас на даче стояло нечто похожее.

На дальней стене, за барабанами, висели четыре гитары самого разного вида и дизайна. Ярко-красная треугольная, обычная желтая, какая-то угловатая черная, похожая на четырехконечную звезду, и вытянутая, насыщенного красивого синего цвета.

– Это Марина, – отвлекла меня от изучения обстановки Саша, – познакомьтесь. Ей понравилось, как мы выступали, поэтому она решила посмотреть, как мы репетируем.

Трое ребят кивнули, и длинноволосый протянул мне руку:

– Я Гера, привет.

Я несмело пожала его руку и кивнула.

– Да не бойся, тут все свои, – засмеялась Саша, увидев мое явное смущение. – Это Гера, он у нас поет. Это Игорь, гитарист, – нам кивнул невысокий крепкий парень. – Это Стас, – она показала на лысого барабанщика, который в знак приветствия поднял палочки, – можешь звать его «Питбуль», ему нравится.

– Почему «Питбуль»? – спросила я, неуверенная, что на самом деле хочу знать ответ.

– Спроси его сама, – усмехнулась Саша, – добро пожаловать к «Бойцовым псам», надеюсь, наше представление вам понравится.

– Занимайте лучшие места, можете угощаться всем, что найдете в холодильнике, хотя кроме пива там вряд ли что-то есть, – проговорил Гера и вытащил из-за колонок две стойки с микрофонами.

Я посмотрела, куда он показал до этого, и увидела небольшой холодильник, стоящий на полу. Только сейчас я поняла, что тут было совсем не холодно. Словно прочитав мои мысли, Саша подошла ко мне и, снимая куртку, сказала:

– Внутри стен радиаторы. Так что тут всегда тепло. Раздевайся, если хочешь. Куртку можешь повесить на крючок, – она головой кивнула в сторону стены, где были вкручены в ряд несколько дюбелей. Очевидно, это и были «крючки».

Гера перетащил одно из сидений на середину гаража, аккуратно напротив импровизированной сцены. Я чувствовала себя как на концерте, с местом в первом ряду, да еще и в самом центре.

Проверив звук и подкрутив что-то на квадратной штуке, похожей на еще одну колонку, они обменялись какими-то только им одним понятными фразами, и Стас, громко выкрикнув «Раз, два, три!», начал бить по барабанам с такой скоростью, что я удивилась, как у него не отлетели руки. Тут же раздались звуки гитары, сливаясь в единую громкую, быструю, но красивую мелодию. Гера был за синтезатором и подыгрывал на низкой тональности в такт музыке. Саша закрыла глаза и подошла к микрофону.

Надо привыкать, что когда она открывает на сцене рот, я его открываю тоже. Только я – от изумления и восхищения. Опять этот чуть хриплый сильный голос, пробирающий до мурашек. Пробирающийся под кожу, затягивающийся узлом где-то внутри меня. Я не слушала текст, я слушала только ее голос. Он был словно живой, словно осязаемый. Сомневаюсь, что она до конца понимала, где находится. Было ощущение, что она где-то совершенно в другом месте, не в грязном гараже, в окружении ее товарищей и меня, а где-то там, где софиты и овации. Только для нее.

Когда песня кончилась, и Саша открыла глаза, стало ясно, что она действительно будто «отсутствовала». Она несколько раз моргнула, посмотрела

на меня и улыбнулась. Потом ее улыбка спала, и она развернулась всем корпусом:

– Стас, какого хрена это было на втором куплете?

– Я симпровизировал, – пожал плечами парень, почесывая затылок.

– Давай без самодеятельности. Я чуть слова не забыла, когда это услышала.

– Мне показалось, это нормально вошло, – попытался протестовать барабанщик.

– Стас, давай каждый будет делать свое дело. Я не прошу тебя импровизировать. Я прошу тебя играть так, как мы делали до этого, ясно? Еще вопросы есть?

Он опустил голову и пальцем поковырял золотистый «блин».

– Вот и отлично. Импровизатор, – фыркнула Саша, вновь поворачиваясь ко мне лицом, – а теперь заново. Три-четыре, Стас, поехали!

Около двух часов я наслаждалась их музыкой. Помимо бесспорного таланта Саши я поразились еще одной вещи. Насколько она была требовательна. К себе, к ребятам. Она не давала спуска никому. Вполне могла оборвать песню на середине и отчитать Геру или бедного Стаса. Даже молчаливому Игорю пару раз доставалось. Что было удивительно, никто с ней не спорил. Все были настолько уверены в правоте ее слов, что просто выполняли то, что она говорила. Словно где-то на подсознательном уровне она выбирала правильную тональность, правильный звук, правильную паузу.

Под конец репетиции она подошла к каждому из ребят и что-то шепнула им на ухо. Потом вернулась к микрофону и сняла гитару. Закрыв глаза, она постояла так пару минут, и потом еле заметно кивнула. Я услышала красивую мелодию, которую Гера извлекал из своего синтезатора. Спустя полминуты Саша начала петь. Подключились Игорь со Стасом. Мелодия была красивой, нежной, даже трогательной. Песня была на английском. Я старалась сосредоточиться на тексте, чтобы понять, о чем она, но тщетно. Я слышала только тоску в ее голосе. Это было так грустно, что я ничего не могла сделать, когда из глаз у меня

потекли слезы. Я понимала, как глупо выгляжу, но я просто не могла остановить этот поток. Я поняла только, что она пела что-то про декабрь. А я смотрела на нее, на ее разноцветные волосы, на совершенно дикий внешний вид, и понимала, что она не такая на самом деле. Что ей безумно тоскливо и грустно, что ее никто не понимает в этом мире, что так – она просто хочет немного внимания и, возможно, признания. Признания того, что она есть.

– О, кажется, у нас тут потоп будет, – усмехнулся Стас, подходя ко мне, – ты чего ревешь?

– Не знаю. Песня грустная, – шмыгнула я носом, готовая провалиться сквозь землю от стыда. Я, наверное, уже рефлекторно скоро буду реветь, как только буду оказываться рядом с Сашей.

– Марина у нас тонкая чувствительная натура, – улыбнулась Саша, подходя к нам, – не то что ты, мешок бессердечный.

– Я очень чувствительный, хочешь, докажу, – Стас вытянул губы и наклонился к Саше, будто собираясь ее поцеловать.

– Иди в задницу, – засмеялась она и толкнула товарища в плечо.

Он тоже рассмеялся и направился к холодильнику. Достав несколько бутылок пива, он поставил их на «столик», а сам рухнул на одно из сидений, закинув на спинку ноги.

– Когда девчонки придут? – спросил он, закуривая сигарету. А я поняла, что все два часа, пока они репетировали, никто из них не на что не отвлекался. Ни на перекур, ни на «поесть» и даже на «сходить в туалет». Хотя я сомневалась, что тут есть, где это сделать.

– К девяти, может, раньше, – ответил Гера и сел напротив. Саша протянула мне руку, и я встала. Игорь молча перетащил сидение обратно к «столу» и сел на соседнее. Мы с Сашей устроились вдвоем на одной сидухе. Она была мягкой и в чехле.

– Откуда эти сидения? – наконец, подала я голос.

- Из автомобилей, - улыбнулся Стас, - это, - он кивнул на стену с номерными знаками, - оттуда же.

- Вы... Вы их угоняете? - чуть ли не дрожащим голосом спросила я. В моей голове уже были картинки, как сюда вламывается ОМОН, всех ставят к стене, и я звоню отцу из отделения.

- Нет, - серьезно ответил Стас, - мы их забираем. За долги.

- За... За долги? - мои глаза были, наверняка, как эти самые покрышки, что служили основанием для столика.

- Да. Обычное дело, - пожал плечами Стас и, взяв обычную зажигалку, открыл ей пивную бутылку.

- Кого ты слушаешь? - фыркнула Саша. - Все, что говорит Стас, дели на два. А то и на четыре.

- Что? - я смотрела на нее и совершенно ничего не понимала.

- Ничего мы не забираем ни у кого. У отца Игоря своя свалка автомобилей. Вот он и таскает оттуда то, что хочет. Вот и все.

Я перевела взгляд на молчаливого гитариста, и он кивнул.

- То есть... Никакого криминала? - с каким-то даже облегчением в голосе спросила я.

- Никакого.

- Мы, конечно, отмороженные, но не преступники, - подтвердил ее слова Гера.

- А почему ваша группа называется «Бойцовые псы»? - этот вопрос меня интересовал еще со школьной дискотеки.

- Кто тут босс? - засмеялась Саша.

- Она - Бойцова. К тому же, это круто, - сказал Стас, делая очередной глоток из бутылки.

- Ты... предводитель группы? - спросила я.

- Лидер. А не предводитель, - улыбнулась девушка и тоже взяла бутылку пива.

- Ну... да. Понятно, - тихо сказала я и посмотрела на часы. - Мне пора. Спасибо, что пригласила. Мне очень понравилось, - сказала я, поднимаясь с места.

- Тебя проводить? - Саша подняла на меня взгляд.

- Нет, еще не поздно. Думаю, я доберусь сама. Спасибо еще раз.

- Всегда пожалуйста. Кстати, через неделю у нас тут будет небольшая вечеринка. Приходи, мы будем играть, - сказала Саша, отодвигаясь, чтобы я могла пройти.

- Но... - начал было говорить Гера, но Саша его резко перебила.

- Сначала играть, потом вечеринка, - твердо сказала девушка.

Гера недовольно вздохнул, но промолчал.

Я ненадолго задумалась. Мы к тому времени уже выйдем на учебу. В субботу у меня «художка», в воскресенье бассейн. Как мне все успеть?

- Я постараюсь. А во сколько? - спросила я, натягивая пуховик.

- В субботу в три.

У меня в полтретьего занятие. Черт.

- Я попробую, - честно сказала я.

– Конечно, – кивнула Саша, – можешь прийти позже, если у тебя дела. Мы будем тут допоздна.

– Хорошо. Ладно, всем пока, рада была с вами познакомиться. Вы классные, – сказала я и покраснела. В моей голове эта фраза звучала куда лучше.

Ребята рассмеялись, а Саша, улыбаясь, сказала:

– Я же говорила, она – это что-то.

Я смутилась еще больше и решила, что на сегодня позора уже достаточно. Поэтому я развернулась и направилась к выходу. Ребята дружно попрощались, а Гера пошел открывать мне дверь.

Как только я оказалась на свежем воздухе, краска вновь прилила к моим щекам. Я весь вечер тусовалась с рок-группой. Да я круче, чем яйца!

5

Я шла по коридору в направлении кабинета директора. Мне нужна была ее подпись на официальном разрешении проникнуть в «мозг» их компании. Мы тоже должны были обезопасить себя и удостовериться, что если у них там уже что-то не так, то чтобы было ясно всем, что это не наша вина.

Я прошла мимо кабинета замдиректора дальше по коридору и столкнулась с Веней.

– Ты куда бежишь? – спросил он, поправляя рубашку.

– К директору, – ответила я, показывая документы.

– Ее там нет, – ответил друг, улыбаясь.

– А где она? – нахмурилась я. Альберт Генрихович сказал, что еще вчера директорша вышла на работу. Неужели она опять куда-то уехала?

– Ну, я не знаю, я за ней не слежу, но вряд ли она в мужском туалете. По крайней мере, пока я был там, я ее не видел, – саркастично заметил Веня, а я окончательно потеряла нить разговора.

– Что?

– Боже. Марина, ты не выспалась, что ли? Там, дальше по коридору, мужской туалет и подсобные помещения уборщиков. Вряд ли Ирина Викторовна там. Тебе надо в другое крыло.

– Мужской? – удивилась я. – А я туда уже три дня хожу. Он ближе к серверной. Там не написано, что он мужской! Я думала, он общий!

– Так это ты та ненормальная, про которую рассказывали парни, – захохотал Веня. – Не знаю, почему тебе Алик не сказал. Женский в самом конце другого крыла. Идешь прямо до упора, потом направо и направо. А кабинет директора просто прямо. Увидишь там табличку с надписью «директор».

– Блин, – проворчала я, – ладно, спасибо. У вас тут лабиринт Минотавра.

– Ничего, я тоже поначалу плутал. В женский сортир, конечно, не заглядывал, но пару раз умудрился заблудиться, – ободряюще улыбнулся Веня. – Давай на обеде кофе попьем? Часа в два?

– Давай. Я думаю, я как раз управлюсь.

– Все, созвонимся.

Веня махнул рукой и направился в застекленный офис. Я развернулась и пошла в противоположном направлении. Почему я подумала, что кабинет директора рядом с кабинетом зама?

Я дошла до нужной двери и слегка постучала. Услышав приглушенное «входите», я открыла дверь. Сначала я увидела только стену со шкафом,

заваленным документами. Потом я повернула голову и удивилась еще больше. У обеих стен, напротив и справа от меня, стояли такие же шкафы со стеклянными дверцами. Перед центральной стеной располагался широкий стол из темного дерева, где была невообразимая гора бумажек, компьютер, три чашки, канцелярские принадлежности и груда всякого хлама. На столе, сняв обувь, на носочках стояла молодая женщина лет тридцати пяти и, по всей видимости, пыталась полить цветок. Горшок стоял на самом верху шкафа, а его длинные стебли с листьями свисали по дверце. Это напомнило мне плющ или дикий виноград. Такое же растение росло в свое время у бабушки на балконе, создавая красивую зеленую живую изгородь.

Женщине явно не хватало роста, потому что она тянулась, как могла, но из небольшой лейки все равно ничего не вытекало.

– Вам помочь? – спросила я, понимая, что я выше ее на несколько сантиметров. Я росла до двадцати лет. Только в двадцать мой рост остановился на отметке в сто семьдесят четыре сантиметра.

– Не-е-ет, – протянула она, – я сама. Это же была моя гениальная идея припереть этот чертов цветок.

Наконец, одной рукой вцепившись в верхнюю часть шкафа и максимально вытянувшись, она добилась того, что из лейки полилась вода.

– Ну, наконец-то! – ликующе улыбаясь, она опустилась на всю стопу и выдохнула.

– Давайте, я все же помогу, – пробормотала я, подходя к столу и протягивая ей руку, чтобы помочь спуститься. Эта ненормальная цветочница и есть директор? Вы серьезно?

– Да я сама, спасибо, – сказала она, махнув лейкой, отчего несколько капель попали мне на лицо, и я заморгала. – Ой, простите. Боже. Как неловко, – тут же извинилась она.

– Ничего, – слегка улыбнулась я, наблюдая за тем, как она слезает со стола. Директор. Директор крупной финансовой организации, без тувель лазает по столу. Кому скажешь – не поверят.

Женщина поставила одну ногу на стул, рукой держась за шкаф. На мой взгляд, весьма глупое решение, поскольку стул был на колесиках. Может быть, ей бы и удался этот «акробатический этюд», но в момент, когда она поставила вторую ногу на стул, раздался громкий стук в дверь. Женщина вздрогнула от неожиданности и начала терять равновесие. Я помнила только ее «ой», широко раскрытые глаза и то, как я машинально двинулась вперед, чтобы подхватить ее и не дать ей упасть.

В этот момент дверь распахнулась, и вошел Альберт Генрихович, который так и замер на пороге, глядя на нас.

Когда я пришла в себя, то поняла, почему его лицо так вытянулось. Директор, стоя на стуле и все еще с лейкой в руках, вцепилась мне в плечи. И я, стоя рядом, с руками на ее талии, в которых зажаты бумажки. Картина на миллион.

– Эм, – зам прочистил горло и отвел взгляд, – я... Я найду позже, – пробормотал он и, явно сдерживая смех, развернулся и вышел из кабинета.

Звук закрывшейся двери привел нас обеих в чувство. Я отцепилась от директорши и помогла ей спуститься. Женщина снова влезла в туфли и, сильно краснея, поблагодарила меня, не в силах поднять взгляд.

– Я, собственно, пришла подписать бумаги. Меня зовут Соколовская Марина, я представляю фирму «Гард», мы проверяем...

– Да-да-да, – перебила она меня, кивая, – мне Алик... То есть Альберт Генрихович говорил. Я Ирина. Ирина Викторовна. Что за бумаги?

– Вот, тут все написано, – я протянула ей несколько листов и увидела, как она, пробежавшись по ним взглядом, поморщилась.

– А можно своими словами? Если вам не трудно? – спросила она, подняв на меня взгляд. Светло-карие. Солнечные. Летние.

– Да, конечно.

Я уселась на любезно предложенный стул напротив нее и начала рассказывать, о чем именно эти документы. Она слушала очень внимательно, не перебивая, иногда лишь качала головой. Взгляд был сосредоточенным и серьезным. Я любила такой подход к делу. Ничего лишнего. Все по существу.

Когда я закончила, она задала еще пару вопросов и взяла ручку. Получив ее подпись в нужных местах, я встала с места.

- Спасибо, что уделили время, - дежурно поблагодарила я, собираясь уходить.

- Вам спасибо. За мое спасение тоже, - усмехнулась она.

- Обращайтесь. На следующей неделе мне нужен будет доступ к вашему компьютеру, вы сможете поработать с другого?

- Да, я думаю, мы решим этот вопрос, - кивнула она, тоже вставая.

- Отлично. Всего доброго. Приятно было познакомиться, - я протянула ей руку и она ответила крепким рукопожатием.

- Взаимно. Хорошего дня.

Я вышла в коридор и выдохнула. Нет, не так я представляла себе директора такой компании. Совсем не так.

2006

Веня появился в школе только к середине первой учебной недели. Его лицо и отдельные его части почти приобрели здоровый размер и оттенок. Я была очень рада видеть своего друга и соседа по парте. Я ему рассказала о том, что была на репетиции у Саши и что меня пригласили на вечеринку. Друг был не в восторге и попросил только быть осторожнее. Пришлось заверить его, что все будет хорошо, и что я умная девочка.

Жизнь возвращалась в прежнее русло, каникулы сменились рабочими буднями. Я также после уроков посещала по вторникам «художку», а по четвергам

бассейн, не считая запланированных занятий по выходным. Я решила, что гаражная вечеринка с малознакомыми людьми – не повод «забывать» на то, чем я занимаюсь уже несколько лет, и чем собираюсь заниматься всю свою жизнь.

Поэтому я заставила себя пойти на занятия, и только почти в семь часов пошла по уже знакомому адресу.

Не знаю, о чем я думала. Скажи мне кто-нибудь месяц назад, что я пойду в какое-то непрезентабельного вида здание, да еще и на вечеринку, с людьми, которых видела пару раз в своей жизни, я бы покрутила пальцем у виска и громко рассмеялась. Но это было так. Я чувствовала, как внутри меня рождается что-то новое, незнакомое и непривычное мне. И эта «новая я» меня интриговала, если не сказать больше. Я хотела лишь хоть немного быть похожей на Сашу. В ее свободе. Свободе от чужого мнения, свободе во взглядах, в самовыражении. Хотела немного впитать в себя этой несокрушимой уверенности, решительности. Хотела иметь возможность и, главное, силу делать то, что хочется.

Поэтому ноги несли меня по знакомой дороге, а я чувствовала непередаваемое воодушевление.

Но как только я оказалась у красной двери, вся моя решимость сдулась, как воздушный шарик. Я немного потопталась у входа, слушая доносящиеся оттуда звуки музыки и смех, несколько раз развернулась, чтобы сбежать домой, оправдавшись потом, что, к примеру, плохо себя чувствовала. Несколько раз я заносила руку в перчатке, чтобы постучать, но никак не могла донести кулак до металла. И когда я в очередной раз развернулась, чтобы все-таки пойти домой, в замке неожиданно провернулся ключ, дверь широко распахнулась, и оттуда выскочил смеющийся Гера. За ним выбежала какая-то девушка с волосами странного цвета. Я молча смотрела, как она пытается догнать убегающего парня, но Гера был явно быстрее ее.

– Придурки, – услышала я сбоку от себя и повернула голову. В дверном проеме стояла высокая и очень худая девушка с пирсингом в носу и губе. Ее волосы были неестественно белыми. Будто она их красила в тазике с белизной. Она перевела взгляд на меня и, наклонив голову, спросила:

– Потерялась?

Я сначала не нашла, что ответить, но, вспомнив, что Саша сама меня пригласила, обрела свою смелость, а с ней и свой голос:

- Нет. Я к Саше.

- К Саше? Ты? - ее тонкие брови поползли вверх. Было столько удивления при слове «ты», что мне даже стало как-то обидно.

- Я. Она меня пригласила.

Девушка, подняв брови еще выше, обернулась вглубь гаража и крикнула:

- Саня, иди сюда! Тут какая-то мелюзга, говорит, что к тебе!

Я уже открыла было рот, чтобы выдать ей информацию о своем возрасте, как рядом с ней появилась улыбающаяся Саша. В этот раз на ней были джинсы без цепочек, но такие же узкие, и простая черная майка.

- Кто? - спросила она и в этот момент увидела меня. - А! Это же Марина-мандарина! Заходи, я думала, ты уже не придешь! - я даже опомниться не успела, как она меня втащила внутрь гаража.

В этот раз оформление был несколько иным. Повсюду висели растяжки с надписью «С днем рождения!», какая-то мишура, видимо, сохранившаяся у кого-то еще с Нового Года, поздравительные флажки. На полу, помимо сидений, что я уже видела, было много больших подушек, которые, по всей видимости, тоже служили своеобразными «стульями». Стола из покрышек не было, на полу в центре просто лежала большая деревянная панель, примерно метр на метр, а вокруг нее и располагались сиденья. Народу было около десяти человек, вместе с бегающим Герой и девушкой, которые вернулись как раз в тот момент, когда Саша затащила меня внутрь и сняла с меня пуховик.

- Так, алло, товарищи! - крикнула она, и все обернулись. - Это - Марина. Марина, это - все остальные. В процессе я тебя со всеми познакомлю. А теперь прошу всех к столу. Снеж, там все готово? - спросила она у девушки, которая не хотела меня впускать.

– Да, выносить?

– Да, возьми Геру или Стаса, пусть помогут, – распорядилась Саша и подтолкнула меня к самому красивому из сидений.

– У кого-то день рождения? – спросила я, чувствуя себя крайне неловко.

– Не обращай внимания, – махнула рукой Саша и, удостоверившись, что я сижу и не собираюсь никуда уходить, направилась в заднюю часть гаража, где что-то происходило за колонками. Мне ничего не было видно, но я понимала, что там что-то явно готовится.

Спустя несколько минут, когда за «столом» уже собрались почти все, Саша, девушка, которую она назвала «Снеж», и Стас вышли из этого закутка. У Саши в руках было четыре коробки с большими квадратными пирогами, а эта девушка и Стас несли какие-то контейнеры, похожие на маленькие пластиковые ведра.

Когда все это оказалось на полу, точнее, на доске, я поняла, что в ведерках были салаты. Откуда-то появились одноразовые тарелки, стаканы, вилки, ножи. За всей этой суматохой я и не заметила, как в моей тарелке оказалось аж три вида салата, два больших куса пирога и стакан с какой-то желтоватой жидкостью.

– Ну что, начнем? – улыбаясь, спросила Саша.

– Я первый говорю тост, я первый! – поднял руку Гера.

– Ну, все, это на полчаса. Можешь начинать есть, – пробормотал обычно молчаливый Игорь, который сидел рядом со мной. Я хихикнула, не сумев сдержаться.

Гера говорил длинный и красивый тост, а я поняла, что день рождения был у Саши. Мне стало немного неуютно, ведь я не знала, что это будет не просто обычная вечеринка, и пришла без подарка.

Но судя по лицам окружающих, всем было плевать. Это было очень мило – все эти «бешеные псы», как я мысленно их называла, слушали его, кивая головами. Кто-то улыбался, кто-то периодически вставлял шуточные комментарии, но в

целом, это было красиво. Такие разные, непохожие на других, они были близки друг другу и уважали друг друга. Гера сказал много хороших слов и, крикнув в конце «За Бойцову, главную из собак!», осушил свой стаканчик, не дожидаясь других.

Потом все уже подняли свои стаканы и, еще раз хором поздравив именинницу, начали пить. Я тоже подняла стаканчик и понюхала его содержимое. Запах был странным. То ли вино, то ли шампанское.

- Это надо пить, а не нюхать, - засмеялся Гера, увидев, как я принюхиваюсь.

Мне казалось, что на меня смотрят все. Поэтому я не придумала ничего лучше, как залпом осушить содержимое своего «бокала». Когда я поставила пустой стакан на пол, все одобрительно захлопали и засвистели. А у меня перед глазами все поплыло. Я помнила, как Саша зло бросила Гере, что он придурок, и, подняв меня на ноги, выволокла на улицу.

Снаружи было морозно и свежо, и мне стало гораздо лучше. Я села в сугроб и откинулась спиной на мягкий снег.

- Извини, я не думала, что ты станешь пить. Я говорила Гере, чтобы он налил сок. Придурок конченный, - проворчала Саша, стоя рядом со мной.

Я лежала и смотрела на небо. Уже были видны звезды. А я думала о том, что, наверное, только я могу напиться в первые десять минут с начала праздника. Дело в том, что я вообще не пила. Максимум, пару раз я пробовала на Новый Год глоток-два шампанского. Алкоголь мне не нравился. И я ему, очевидно, тоже.

- Что было в этом стакане? Мне кажется, это что-то нелегальное, судя по тому, как это ударило мне в голову.

- Ну, - усмехнулась она, - это коктейль. Смешанный из нескольких видов легального. Как ты себя чувствуешь?

- Лучше, - честно сказала я, принимая сидячее положение.

– Встань со снега, ты же недавно только выздоровела, – сказала она и протянула мне руку. Почему она постоянно протягивает мне руку? И буквально, и фигурально.

– Почему ты не сказала, что у тебя день рождения? – неожиданно спросила я, поднимаясь на ноги. Конечно, ее ладонь была, как печка.

– Это неважно. Если бы ты захотела, ты бы пришла. На день рождения или нет – это не имеет значения. И ты пришла, – пожала она плечами и улыбнулась.

– Но я пришла без подарка, – пробормотала я, окончательно придя в чувство.

– Они тоже, – Саша кивнула на дверь, – подарки – это не самое главное в дне рождения, ты разве не знаешь?

– А что самое главное?

– Атмосфера, – она подняла руки, показывая на все вокруг, – ладно, пойдем обратно, я налью тебе воды или сока. Следи за своим стаканом. И ешь побольше. Тогда все будет нормально.

– Хорошо, – кивнула я и направилась вслед за ней, ощущая, как холод пробирается мне под свитер. Неудивительно – я выскочила на улицу без пуховика. Причем, Саша была в майке, но я не заметила на ней даже мурашек. Она вообще человек?

Спустя пару часов, когда нас осталось семеро – я, Саша с ребятами из группы и две девушки, обстановка на вечеринке заметно изменилась. Стало больше смеха, больше неприличных шуток, больше язвительных комментариев. Было много алкоголя. И в какой-то момент я заметила в руках у Игоря какую-то пустую пластиковую бутылку. Он, с самым серьезным лицом, с видом хирурга, готовящегося к операции, достал из кармана кусок фольги, канцелярскую резинку и еще какой-то хлам. Я не понимала, что происходит, пока не увидела, как девушка с отбеленной головой, которую, к слову, звали «Снеж» именно из-за цвета волос, передала Игорю пакетик с каким-то зеленовато-коричневым содержимым, похожим на чай, точнее, на чайную заварку.

В этот момент Гера расчистил «стол», достал откуда-то пустую бутылку из-под вина и поставил ее в центр. Выставил в ряд несколько небольших стопок, похожих на наперстки, и передал Стасу еще одну бутылку. Все начали как-то странно хихикать. Стас стал разливать какую-то жидкость мутновато-желтого цвета по стопкам. Саша сидела напротив почти в обнимку с девушкой, которая бегала не так давно по улице за Герой, с длинными, наполовину розовыми волосами. Точнее, сами волосы были темно-русые, но несколько прядей были выкрашены в розовый цвет. На ней, на удивление, не было металла. Зато обе ее руки были украшены какими-то непонятными татуировками. Там были и узоры, и какие-то слова, и геометрические фигуры. Весь вечер эта Алиса, как ее звали, прижималась к Саше и почти не отлипала от нее. Я подумала, что они старые подруги. Хотя я с Веней так не сижу. С другой стороны, он мальчик.

От рассуждений меня отвлек голос Геры. Он окинул взглядом окружающих и спросил:

– У всех налито? Не забываем, действуем быстро. Не думайте только о себе, вы тут не одни.

Все кивнули и выпрямились, двигаясь ближе к стоящей в центре бутылке.

– Все помнят правила? – спросил он, вопросительно глядя на окружающих.

– Марина не знает, она не играла, – сказал Стас и икнул.

– Думаю, Марине будет неинтересно в это играть, – улыбнулась Саша, глядя на меня.

– Вы расскажите, что надо делать. А там уже решим, – пожала я плечами. Мне было интересно, что это за тайная игра, в которую мне, судя по мнению Саши и ухмылке Снеж, будет неинтересно играть.

– Смотри. Слышала про игру «Бутылочка»? – с серьезным лицом спросил Гера.

– Да, – ответила я, уже боясь услышать то, что он скажет дальше.

– Ну, вот, у нас обновленная версия, – сказал он, а Стас хихикнул.

– И что... Что в этой обновленной версии нужно делать? – спросила я с недоверием.

– Тот, на кого указала бутылка, должен быстро выпить свою стопку, следом сделать «хапку», и чмокнуть в губы того, кто крутил бутылку. Такое вот упражнение по сплочению коллектива.

– Сделать... что? – не поняла я.

– «Хапку». Ну, «хапануть». Вот это, – он показал на бутылку в руках Игоря. – Там травка.

– О, – протянула я.

– Я же говорила, тебе будет неинтересно, – ухмыльнулась Саша.

– Ладно, погнали, – хлопнул в ладони Гера и потер руки.

Я поняла, что снова чувствую себя изгоем. Я не могу делать то, что делают они. Я понимала, что это неправильный способ заслужить мнимое уважение в глазах толпы, но мне впервые хотелось быть частью этой толпы. Поэтому, кашлянув, я проговорила:

– А если заменить алкоголь и... это, – я кивнула на сложенную почти вдвое бутылку с фольгой на горлышке.

– Заменить? Чем это? – удивился Гера.

– Там еще поцелуй, – напомнила Саша, наклоняясь чуть вперед.

Еще поцелуй. Боже. Я целовалась два раза в своей жизни. Первый раз в детском саду на утреннике и второй – в девятом классе, когда мальчик из «художки» позвал меня на свидание. Надо ли говорить, что мне пришлось поменять свое расписание занятий, потому что мне было стыдно смотреть ему в глаза. Оба раза это были детские поцелуи, не переходящие грань дозволенного.

Но я никогда не могла понять, почему подростки так любят играть в «Бутылочку». Это же так не по-настоящему. В чем смысл?

- Вы же сказали, что там просто «чмокнуть в губы»? - я хваталась за последний шанс. Жалкий «чмок» я смогу пережить. Но чтобы кто-то засовывал мне в рот свой язык - нет уж. Не о таком первом поцелуе я мечтала.

- Ну, как правило, да. На самом деле, по желанию играющих, - усмехнулась Алиса и как-то странно посмотрела на Сашу.

- Точно. Желание! - воскликнул Гера. - Давайте заменим алкоголь и траву желанием.

- Знаем мы твои желания, - засмеялись все.

- Нет, Марина у нас из интеллектуалов. Ей плохо станет от твоих желаний, - усмехнулась Саша.

- Ну, будем нормальные желания загадывать. Не знаю, стих прочитать. Поговорки, скороговорки. Приседания. Что-то такое, где не надо пить и курить, - предложил Гера.

- В принципе, можно, - пожал плечами Стас, - я не против.

- Я бы тоже послушала стихотворение, - кивнула Алиса, - люблю Есенина.

- Это бред какой-то, - фыркнула Снеж, отворачиваясь. Не зря она мне не нравилась.

- Нормально. Без алкоголя, без травы, - кивнула Саша.

- И раздеваний, - пискнула я и покраснела, - ну, я на всякий случай.

- Договорились, - улыбнулась именинница, - давай, Гера, взрывай.

Потом стало происходить что-то совершенно непонятное. Гера выпил рюмку одним глотком, ему тут же налили снова, Игорь протянул пластиковую бутылку с дыркой в доньшке и поджег что-то в горлышке, лежащее на фольге. Я так полагаю, это и была та самая травка. Внутри бутылки пополз белый мутный дым, а Гера начал вдыхать этот дым сквозь небольшую дыру. Потом он отодвинулся, чуть покрасневший, и спустя несколько секунд он выпустил изо рта облако дыма, которое тут же поднялось вверх. Запах был специфический.

Как только он закончил выдыхать дым из легких, он крутанул пустую бутылку. Она указала на Снеж. Гера опустился на руки и потянулся к девушке. Она тоже двинулась навстречу и их губы соединились в звонком поцелуе. Потом она проделала те же манипуляции со стопкой и дымящейся бутылкой. Ей тут же снова подлили, и она тоже крутанула бутылку. На этот раз повезло Стасу. Мне было интересно, если парню попадет парень, они тоже будут целовать друг друга?

Узнала я это уже через пятнадцать минут, когда Стас, смеясь, чмокнул Игоря в щеку. Все же не смогли они «переступить» через стереотипы. В то время как Снеж уже целовала Алису, и Сашу. Для девочек почему-то это не является проблемой. Видимо, тонкая женская натура все же более чувствительная, и нам легче показать свои чувства или как-то их проявить. Пусть и в игре.

Мне везло первые двадцать минут. Потом начало происходить что-то странное. Сначала на меня попал Гера, я прочитала стихотворение. Они просили Есенина, но я смогла вспомнить только Ахматову. Потом на мне остановился ход Стаса – я рассказала анекдот. Потом была Алиса, она пожелала, чтобы я сказала тост в честь именинницы. Краснея и сбиваясь, я что-то пробормотала, но все похлопали и продолжили играть. Я расслабилась, видя их раскрасневшиеся лица и глаза, странно выглядящие зрачки. Я даже почти не смущалась, когда невинным поцелуем прикасалась к губам девушек и парней.

Настал черед Саши. Она выпила свою порцию, втянула в себя все более густой дым, за состоянием которого следил Игорь, постоянно обновляя «горлышко», и с силой крутанула бутылку. Она указала на меня. Кажется, в тот момент я действительно смутилась.

Я подняла на нее глаза и увидела насмешливый и слегка нетрезвый взгляд. И я поняла, что она придумает что-то из ряда вон выходящее. Что еще ожидать от девчонки, которая является лидером рок-группы?

Все как-то странно переглянулись и ухмыльнулись. Я не придавала этому значения, хотя, как выяснилось, зря. Я снова посмотрела на нее и сказала:

- Ну, какое твое желание?

Она оперлась на руки и на четвереньках придвинулась ко мне почти вплотную.

- Сначала поцелуй, - усмехнулась она, а у меня даже кончики ушей покраснели.

- Ладно, - согласно кивнула я и подалась чуть вперед.

Что произошло потом - для меня осталось загадкой. Я помнила лишь, что когда наши губы соприкоснулись, я тут же почувствовала ее руку у себя на затылке, и в следующий момент ее язык нагло и дерзко проник в мой рот.

Самое удивительное, что я ей это позволила. Я не оттолкнула ее, не отодвинулась сама. А самое ужасное, что я еще ей и, кажется, ответила. По крайней мере, я четко помнила ощущение, когда ее язык прикасался к моему. Очнулась я только когда услышала свист и поощрительные выкрики вокруг. Я открыла глаза, и Саша тут же отодвинулась, улыбаясь.

Я сидела, не в состоянии сказать хоть что-нибудь. У меня не было слов, чтобы объяснить свое поведение. Это словно была не я. Я никогда так себя не вела. Я не играла в глупые подростковые игры, не целовалась с малознакомыми людьми, не сидела в помещении, где рекой лился алкоголь и к потолку клубами поднимался дым от травки. Я не узнавала сама себя.

- Это и было желание, - усмехнулась Саша, - молодец. Думала, ты струсил.

Я смогла лишь выдавить из себя жалкое подобие улыбки и крутанула бутылку.

Я зашла в столовую на первом этаже здания, где сейчас протекала наша работа. Мы с Веней договорились встретиться здесь, но друг явно опаздывал. Я взяла поднос и встала в конце очереди. Помещение было довольно большим, но уютным. На окнах висели занавески, на широких подоконниках стояли цветы в горшках. Один из них мне напомнил тот, что я видела в кабинете директора. Вспомнив эту странную женщину, я невольно усмехнулась. В этот момент я почувствовала, как мне в спину что-то уперлось. Я повернулась и увидела директоршу, которая поставила поднос на железную перекладину и посмотрела на меня:

- Извините, я задела вас, - пробормотала она, кивая на поднос. Очевидно, когда она доставала его из стопки, то грациозно ткнула им меня.

- Ничего страшного, - спокойно ответила я, - хотите, проходите вперед. Я все равно жду друга.

- Нет-нет, - она покачала головой, - все в порядке.

Очередь двинулась, и я сделала пару шагов вперед, рассматривая предложенные блюда за стеклянной витриной. Моложавая женщина в поварском колпаке улыбнулась и довольно громко спросила:

- Первое будете? Супы сегодня особенно удались. Гороховый с копченостями, куриный суп-лапша, борщ минут через пять подоспеет.

Я задумалась на пару секунд и кивнула.

- Давайте куриный.

- Отлично, - она взяла одну тарелку из целой стопки и с профессиональной точностью зачерпнула поварешкой суп. Вышло четко по линию на тарелке.

- Спасибо, - кивнула я и взяла свой обед, - а хлеба можно еще?

- Хлеб на стойке, - она показала куда-то вправо, и я повернула голову.

На витрине стояла плетеная корзина, в которой лежал хлеб. Мне было уже не дотянуться, поэтому я посмотрела на Ирину Викторовну.

- Извините, вы... не поможете? Кусочек черного, - я вилкой указала на хлебницу.

- Конечно, - с готовностью кивнула она и протянула руку.

И тут что-то снова пошло не так. Я начинала думать, что это не просто женщина, это - женщина-катастрофа. Потому что когда она схватила один кусок, с витрины рухнула вся корзинка, оказавшись на подносе у следующего человека. Им оказался какой-то прыщавый парень в очках, который, смеясь, собрал все разлетевшиеся кусочки обратно и поставил корзинку на место.

Ирина, снова краснея, извинилась перед парнем и поблагодарила его. Потом повернулась ко мне и, улыбаясь, протянула кусок хлеба.

- В любом случае, я его достала.

Я не смогла сдержать улыбки.

- Спасибо. Это было трудно, но вы справились.

- Да уж. Все-таки я директор, - с наигранно серьезным лицом ответила она, чем вновь вызвала мой смехок.

- Как поживает ваш цветок? - спросила я, когда Ирина тоже заказала суп, и мы двинулись дальше.

- Живее всех живых. Я сто раз пожалела, что вообще занялась цветоводством, - проговорила она.

- У вас много цветов?

- Один. Но от него столько хлопот, - она подняла брови, усиливая эффект от сказанных слов.

– На подоконнике я тут увидела такой же, как у вас. Можете подсунуть свой незаметно, думаю, никто не расстроится, – усмехнулась я, когда сделала заказ на «второе».

– Нет уж. Не для того я столько мучилась, чтобы так просто от него избавиться.

– Тоже верно, – улыbnулась я, подходя к кассе.

Расплатившись, я взяла поднос и, повернувшись к директорше, вежливо сказала:

– Рада была вас видеть. Приятного аппетита.

– Спасибо, и вам, – кивнула она и тоже начала расплачиваться за обед.

Веня появился минут через пятнадцать, когда я уже доедала тушеное мясо с гарниром.

– Прости, задержался, – выдохнул он, выставляя на столик тарелки.

– Я заметила.

– Надеюсь, ты не слишком скучала? – спросил он, хотя я знала, что ему все равно, скучала я или нет.

– Не слишком. Ваша директорша меня развлекала, – ответила я, размешивая чай.

– В смысле?

– В прямом. Она у вас очень забавная. Ходячая проблема.

– Ты о чем? – Веня нахмурился и замер с ложкой в руке.

– Я попросила ее передать хлеб, а она чуть столовую не разгромила.

– Правда? – усмехнулся парень и начал есть суп. – Она на самом деле очень классная. Добрая, понимающая. Но жуткий трудоголик. У нас однажды что-то не сходилось в 1С-ке, никто не мог понять, в чем дело, так она просидела всю ночь, и нашла проблему, представляешь? Айтишники не нашли, а она нашла. Я офигел тогда.

– Видимо, не просто так она директор.

– Это да. Все сама. Без богатых мужей, «папиков» и прочих.

– Классно, – кивнула я, невольно проникаясь уважением к этой женщине.

– Да. Слушай, я забыл сказать! – горячо воскликнул Веня. – Я же тут знаешь, кого встретил? Угадай!

– Веня, в круге твоих знакомых, мне кажется, миллион человек. И как я должна из них угадать одного? – скептически подняла я бровь.

– Действительно. В общем, я был недавно с товарищем в парке, который у цирка. Иду, значит, такой себе, разговариваю с другом и смотрю – лицо знакомое. Приглядываюсь – Иванов! Представляешь?!

– Кто?

– Иванов! Леша.

– Я не понимаю, о ком ты говоришь.

– Марина, ты совсем память потеряла? Между прочим, это ты на выпускном с ним танцевала.

– О, Боже, Лешка? – наконец, память прояснилась, и я вспомнила своего одноклассника, который весь выпускной вечер кружил около меня.

– Неужели! Лешка, – передразнил он меня, – теперь этот Лешка – воздушный гимнаст. И их труппа сейчас выступает. Он дал мне несколько билетов, – радостно заявил Веня.

- Здорово, - улыбнулась я.

- Да. И поэтому в выходные мы идем в цирк. Нас пустят даже за кулисы.

- Мы? В выходные? - переспросила я.

- Мы, Марина, мы. Нечего сидеть затворницей. Пойдешь со мной. Я куплю тебе флажок. К тому же, ты помнишь, что у меня день рождения?

- Я помню, поэтому и спросила.

- Я хочу отметить его в цирке с тобой. В этом году не хочу собирать народ или как-то особо праздновать. Так что устроим веселье для нас двоих.

- Я не против, ходим в цирк, - кивнула я, улыбаясь. Желание именинника - закон.

- Вот и прекрасно.

Через полчаса мы разошлись по своим рабочим местам, а я, вернувшись за свой ноутбук, задумалась и поняла, что чем старше становилась я и мои друзья, тем спокойнее проходили все праздники и дни рождения. Становилась ненужной толпа людей, куча подарков, алкоголя тоже становилось все меньше. Все же, как меняются приоритеты.

2006

Когда на часах было начало одиннадцатого, я решила, что мне пора домой. Слишком много эмоций у меня вызвала эта вечеринка, и я действительно чувствовала себя уставшей. Я сказала об этом Саше и встала, чтобы одеться. Девушка приподнялась и махнула Гере, стоящему у колонки, рукой.

- Гера, проводи Марину. Уже поздно. Она недалеко живет.

- Без проблем, - кивнул парень и подмигнул мне.

– Да я дойду, – попыталась я запротестовать, но Саша рукой остановила мой словесный поток.

– Если Бойцова сказала своим верным псам тебя проводить, не отказывайся от этого, – усмехнулась Алиса, обнимая Сашу со спины, – к тому же, за окном и правда ночь.

– Спасибо, – пробормотала я.

– Не за что, Марина-мандарина. Спасибо, что пришла поздравить. Заходи в гости, – улыбнулась Саша, когда Гера подошел к нам, уже одетый в куртку.

– Пойдем? – он нацепил шапку и посмотрел на меня. – Готова?

– Да, готова, – рассеянно кивнула я и пошла вслед за ним. Мои мысли были по какой-то причине абсолютно рассредоточены.

Почти уже у самой двери я вспомнила, что так и не попрощалась, но когда я обернулась, то не смогла выдавить из себя ни слова. Я просто стояла, как вкопанная, и смотрела, как Саша целует и прижимает к себе Алису. Я была уверена, что звук моей упавшей челюсти заглушил даже музыку, доносящуюся из колонок.

Они целовались. Они действительно целовались. Две девушки. И, самое удивительное, что никому до этого не было дела. Это был совершенно не дружеский поцелуй. Саша целовала ее так, как в фильмах мужчина целует женщину. Так, как она целовала меня час или полтора назад. Хотя нет. Тут было намного больше страсти. Было видно обоюдное желание и не было никакого удивления, как в моем случае.

От любования этой картиной меня отвлек Гера. Он потянул меня за рукав и сказал:

– Пойдем, мне тут уже жарко.

Я не поняла, к чему относилась эта фраза – к тому, что мы увидели или к температуре от радиаторов, но я послушно развернулась и вышла из гаража.

Мы шли минут пять в полном молчании, пока я, наконец, не заговорила и не озвучила вопрос, который так и вертелся у меня на языке:

- Саша... Саша любит... девушек? - смущаясь, спросила я, глядя себе под ноги.

Гера рассмеялся и неожиданно похлопал меня по плечу.

- Я иду и думаю, когда же ты, наконец, это спросишь. Ну, или нечто подобное.

Я смогла лишь криво улыбнуться.

- Нет, - продолжил парень, став намного серьезнее, - Саша не любит девушек.

- Но... Она и Алиса... Они разве не встречаются? - я вообще перестала что-либо понимать. Она не любит девушек, но целуется с ними?

- Вроде как встречаются, - кивнул парень, прикуривая сигарету.

- Я ничего не понимаю, - призналась я, - она не любит девушек, но встречается с Алисой?

- Саша не любит девушек, - повторил Гера, - Саша любит только музыку. А встречается она, с кем захочет.

- А, - протянула я, но его пояснение мало мне что дало.

- Понимаешь, - вздохнул парень, - Саша, она... Она, как вулкан. Нескончаемые эмоции, все на грани фолы, постоянные увлечения чем-то или кем-то. Если она выбирает кого-то, то все. Это без шансов. Она, как удав, окрутит, сведет с ума, и ты ничего не сможешь с этим сделать. Она всегда рядом, повсюду, она словно обволакивает. Ты чувствуешь себя самой нужной вещью для нее. Грустно, но именно вещью. А когда появляется новое увлечение, она уходит. И от Алисы она скоро уйдет.

- Почему ты так думаешь? - мне казалось, я понимала, что он имеет в виду.

- Потому что я знаю, как она себя ведет, когда начинает терять интерес, - грустно усмехнулся Гера, а я начала догадываться, почему он так осведомлен.

- Ты с ней...

- Да, - оборвал он меня, - два месяца. Нам было по шестнадцать, и она тогда уже была такой... Такой. Я не мог не влюбиться. Потом появился Стас. Они протянули неделю. Снеж была год назад.

- И она со всеми... - я вытаращила глаза от шока. Саша не была похожа на легкодоступную девушку. На хулиганку, на сумасшедшую - да, но не на легкодоступную.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/rays_eliza/put-k-serdca

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)